

Леонид Латынин

# ИЗ ОТКУДА В НИКУДА

*стихотворения*

2023

УДК 82-821  
ББК 84 (1 Рос=Рус) 6-5  
Л27

Латынин Л.А. Из откуда в никуда: Стихотворения. —  
Москва, 2023. — 248 с., илл.

ISBN 978-5-7164-1307-8

Леонид Латынин — русский поэт и прозаик. Автор книг стихов и романов «Гример и Муза», «Спящий во время жатвы», «Берлога», «Ставр и Сара», изданных в России, Европе и Америке.

Составитель *Андрей Баранов*

ISBN 978-5-7164-1307-8

© Л.А. Латынин, 2023

*От составителя*

Красота. Смыслы. Полет.  
Дружба, плечо, любовь.  
И божественное ощущение от молчания.

*АБ*

## От автора

У каждого есть выбор — жить «поверх барьеров» и только вне дел и забот земных там, «где не сеют, не пахут», и все равно КАК на земле.

Или — дом, семья, быт, служение, благополучие «по течению».

Или же, чаще всего, — суета, стяжание, война, зависть, месть, ненависть, тщеславие. Экспансия.

Я выбрал половинчато — первые два пути, и не преуспел ощутимо и гласно, увы, в оных.

И пропустил время подведения итогов.

Когда пришла пора и возможность выбрать из текстов, что существуют уже в переплете и несут в себе искру содержания, «избранное», я понял, что уже НЕ МОГУ (и не хочу), ибо живу далеко от ВСЕХ текстов своих и чужих. Исключительно ТОЛЬКО внутри безвольного и неуправляемого США.

На мое счастье (незаслуженно и неожиданно) в разное время случались встречи с НЕИСТОВО, ИСКРЕННЕ и САМОЗАБВЕННО любящими поэтическое слово, которые выбирали тексты за меня и без меня.

Данная книга составлена Андреем БАРАНОВЫМ.

В других случаях стихи выбирали Евгений ВИТКОВСКИЙ, Виктор КАГАН, Елена АДАМОВИЧ, Юрий ХАНОН.

Но сложить из готовых кусков какое-то подобие вступления все же случилось. Далее следует этот «сложенный» текст.

Видимо, слышимо и кроваво заканчивается «очередное общее», что объединяло людей.

Мой быт, факты биографии и тексты черновиков моего бытия в какой-то мере (среди прочих) свидетельствуют об этом смутном периоде случившейся общей истории.

Я всего лишь безымянный свидетель этой самой истории, в контексте которой прошла и закачивается моя жизнь.

Главная примета этой жизни (не только моей) — органическая, вполне гармоничная двойственность внутреннего и внешнего сознания и поведения.

Поэтому довольно частое несовпадение текста и «как бы» фактов, черт и примет будничной бытийности — ключ к пониманию образа сущного человека именно этого текущего времени.

Почему же — «как бы»? Потому, что устный рассказ — это рассказ ЖИВОГО человека об увиденном ИМ вещном мире. Письменный же текст литератора — это переживание в будущем МЕРТВОГО человека для в будущем МЕРТВЫХ людей о в будущем МЕРТВОМ мире, присутствие которого он угадал и назвал в вещном мире.

Литература — это некое СОЦИАЛЬНОЕ МОНАШЕСТВО, в котором свобода от вещного мира насущна и обязательна. Иначе это продукт естественного мира, в котором в чести только «клейкие листочки», хоть их и «чревом любишь».

Только в последние годы инструментом слова я смог угадать и сформулировать свое понимание и НЕПРИЯТИЕ карамазовской (первее пушкинской) метафоры.

В конфуцианском «Мы не видим ветер, но мы видим листья, которые шевелит ветер» мне ведомее, притягательнее и завораживающе именно этот самый «ветер», движитель листьев, судеб, самой истории и социальных декораций, но не менее люблю и «золу истории» (особенно когда она еще теплая).

Буквально: невидимая часть истории, невидимая сторона той жизни по ту сторону земного занавеса, занимает меня давно. И то, что я делаю, то, что я вижу, связано именно с ТЕМ (но еще живущим здесь), а не этим СВЕТОМ.

Итак, бегло, иногда пунктиром, иногда замедляясь в подробности на содержательном (в моем смысле) имени или знаковом эпизоде.

Рождение в городке Яковлевское (будущий Приволжск), подле Плеса (то есть все равно где), пропускаем, поскольку память начала работать (судя по позже сопоставленным датам) примерно в девять месяцев и такие картинки даже в двадцать — смертельны.

Всегда снаружи — отдельный, не мой — немой мир. Как-то (по порядку, сначала — элементы истории): Война, сирены тревоги, поле именем Карачиха, подбитый самолет (немецкий); позже — пленные немцы на мельнице возле калитки (первое, услышанное от одного из них, живое стихотворение — вслух:

*«Ich stand gelehnet an den Mast,  
Und zählte jede Welle.  
Ade! mein schönes Vaterland!  
Mein Schiff, das segelt schnelle!»,*

от него же узнал — Гейне).

Обнаружилось и переосмыслилось много позже, что мировая история буквально происходит (если иметь зрелое зрение) около каждой деревянной калитки с железной щеколдой.

Итак, вот они существующие одновременно элементы русской и советской истории и за моей калиткой.

За забором, в двух шагах, — храм Николая Чудотворца. Дом, в котором живу, — отца Арсения (Троицкого), бывшего настоятеля храма (в храме склад, все священники убиты, сосланы, посажены, храмовая библиотека разорена, иконы и книги сожжены или, спасенные оставшимися родственниками, разобраны по домам).

Один из разорителей церкви — отец моего близкого друга Е.Г. — убит в первый день движения эшелона на фронт (бомба попала только в его вагон).

Мой дом отошел ныне действующему Никольскому женскому монастырю (по открытии в храм Николая Чудотворца отдал храмовую, спасенную от разора и хранившуюся в доме икону Богородицы).

Первый храм был деревянный — начала шестнадцатого века, на его месте наш (барокко) — век восемнадцатый.

Весь переулочек — семь домов (все сегодня монастырские) — уцелевшие семьи священников: Бартеневых, Красовских, Птицыных, Сорокиных, Соловьевых, Сумароковых (первый учитель Петр Константинович Сумароков), опять же отца Арсения Троицкого — родственника Троицких из села Толпыгино, в километрах пяти от дома. Там единственный в округе действующий храм «Воскресения Словущего» (куда бабушка водила пешком, начиная с трех лет еженедельно), где служил Сергей Троицкий, близкий друг Павла Флоренского и где в Толпыгине ими было проведено много душеполезных дней, где состоялась первая проповедь отца Павла (Флоренского).

В этом храме крещены — я, брат, сестра, отпеты — бабушка, мать и отец, недалеко же и похоронены.

Рядом, за деревянным забором, в соседнем доме Красовских на чердаке, на полу у стены, подаренный портрет Александры Федоровны (после Распутина отец Александр (Красовский)) бывал при дворе (погиб в тридцать седьмом в лагерных стенах бывшего Борисоглебского монастыря) и сложенные в углу ряды (спасенных) церковных книг. Задел сознание и навещавший их, живший в Плесе, гибкий, как хлыст, лет семидесяти, учитель танцев наследника Алексея.

Но Дома книг больше. Помимо рукописей, писанных «ско-рописью», тома «Четьи Минеи», «Киево-Печерского Патерика», церковных книг, привезенных бабушкой из Можайскачкого дома, и еще спасенные от костра из местной храмовой библиотеки. А еще — «История церкви», подшивки журнала «Русский

Паломник» (вся русская история дата за датой, вчитанная избыточно в память).

Первая азбука — язык церковнославянский. Бабушка Александра Антоновна Баранова-Лямина из Можайских мест (свет, доброта, таинственное говорение из уже не существующего уклада жизни, лампада в красном углу возле иконы не погасла до самой смерти, большего света и святости не встречал ни в «старцах», ни в монастырях, ни в миру). Когда в двадцатых отняли все земли, дом, и московскую службу извоза у вокзалов, пошла в услужение в дом дальнего родственника в Москве, имевшего духовный сан. Там с утра до вечера помимо работы — моление и чтение книг. «Устав», «полуустав» и «скоропись» читала легко без очков и в 90 лет.

Александра Антонова Баранова-Лямина — прапервый учитель, обучившая меня церковнославянскому письму и чтению ПРЕЖДЕ русского. (Евангелие наизусть — тоже церковнославянский. На русском Библии в доме нет.) Спасибо Василию Федоровичу за «Азбуку Бурцева» издания 1885 года (репринт 1637), именно по этой книге со мной и занималась Александра Антоновна. Эта книга в твердом голубоватом выцветшем переплете переехала со мной и в Москву вместе с томами «Четьи Минеи» и рукописями, писанными «скорописью».

Откровением для меня в ту пору стали (тоже не благодаря советской школе) слова и цифры, связанные одним смыслом церковнославянской изопсефии: 100 — ныне, 200 — молебен, 300 — соль, 333 — москва, 400 — лето, 555 — изумление, 700 — русь, 842 — волхование, 1001 — царь, 1310 — златоуст, но — этсетера. Бабушка произносила группы цифр, и я легко их читал: 1478 1379 1255 333 — Христос и Троица — солнце Москвы.

Жаль, что со временем эта связность и волнение откровения незаметно погасли в сознании, и цифры стали — цифрами, слова — словами, и единство их исчезло невоскресимо. Александре Антоновне же я обязан и внутренним услышанием мелодики и тона и интонации церковного слова.

От отца Арсения, помимо церковной литературы, остались и журналы начала века, многие — в роскошных переплетах с золотым тиснением. Тут были годовые комплекты «Золотого руна» и «Аполлона», разрозненные номера «Мира искусств», «Весов», книги Сологуба, Блока, Белого, Мережковского, Анненского. Отец Арсений жил вполне в окрестностях светской мысли «серебряного века». Это чтение уже в школе тоже заняло немалое пространство моих «дум».

## 2

Далее — элементы общей, внешней, надкожной туземной биографии.

Светско-советская школа не задела моей мысли (кроме соседских внеклассных уроков первого учителя Петра Константиновича Сумарокова, что сам учился в гимназии у Василия Васильевича Розанова, которого, впрочем, я оценил лишь много позже). От него было мною услышано это имя, что заставило обратить внимание на том «Опавших листьев» в его библиотеке, обособленно стоявший на книжной полке, и, как следствие подросткового многократного до «наизусть» чтения, пропитка своего речевого сознания стилем особого розановского письменного «говорения» (лета спустя Гачевское «жизнемыслие» было принято мной знакомо и ожидаемо).

В сущности, самой школы в моей жизни вовсе и не случилось — так, мелькнула в суете и поспешности, как тусклый, будничныи сон без полетов и падений. (Разве что ощущение от высоких залов и атмосферы строгости и порядка «бывшей жизни» в стенах удивительной архитектуры здания владельца ВасилЕвской фабрики, где располагалась школа).

Сразу после школы — институт, унылая перспектива стать инженером. После первого курса бросил, как результат — три года армии, в которой, впрочем, тяжело — не было. (Это «тяжело» сначала уравнивали, а потом и перевесили том Блока и томик Хлебникова, обильно — наизусть. Сборная по боксу

(тяжелый вес), бои, тренировки и наличие свободного не солдатского времени способствовали этому вполне).

После — филологический факультет МГУ (новый, дистанционный и временами, как и школьный, совсем не мой мир, но в котором состоялись встречи с давнопрошедшим, закрытым розановским «железным занавесом», веком).

Первым в списке профессуры московского университета, конечно, для меня случился Радциг Сергей Иванович.

В студенческую бытность я был увлечен генеалогией отечественной культуры (как и положено туземцу из провинции, попавшему в знаменитый Московский Университет), и первые вопросы, которые в перерывах между лекциями я имел счастье задать Сергею Ивановичу, были не о греческих авторах, а о его учителях, и одно из имён, которое прозвучало в ответах Радцига, было имя Владимира Ивановича Герье.

Ученик Грановского и Соловьёва, Герье, живший на квартире у друга Грановского Кудрявцева, в свое время слушал лекции Моммзена, Дройзена, Кепке, со Станкевичем его связывали родственные отношения — он был женат на Авдотье Ивановне Станкевич.

Меня волновала мысль, что современника Пушкина, Тимофея Николаевича Грановского, посещавшего заседания кружка Н.В. Станкевича, встречавшегося с Герценом, Чаадаевым, Катковым, братьями Киреевскими от нас, студентов филфака, отделили всего лишь два посредника — Герье и Радциг.

Герье в отличие от других профессоров любил проводить занятия со студентами у себя дома в Гагаринском переулке. (Возможно, я выбрал семинар Н.К. Гудзия по древнерусской литературе еще и потому, что он, как и Герье, проводил его у себя дома, на улице Грановского (теперь ставшей Романовым переулком).)

Не менее содержательными для меня стало общение с Николаем Ивановичем Либаном. У Н.К. Гудзия я тоже занимался «Словом о полку Игореве» и писал работу о дохристианском пантеоне в «Слове», но Н.И. Либан на своем магическом семинаре доверял мне (наряду с другими семинаристами) чтение

вслух текста на языке оригинала «Слова», и посему невольно почти весь этот текст я выучил наизусть. (Позже эти интонации пригодились мне и в моей прозе.)

Технология семинара была следующей — один из нас читал вслух небольшой отрывок, Н.И. Либан его разбирал, и пропускал КАЖДОЕ слово отрывка через сонм своих комментариев. Это были вдохновенные и свободные незабываемые тексты, скорее даже образцы высокой прозы, яркие, емкие. Не профессорские, а скорее поэтические.

Были и разговоры после занятий. Была и дача, которая поражала меня своей спартанской обстановкой, если не сказать проще, бедностью.

Николай Иванович Либан — один из людей, изменивших пластику моего сознания. Правнук виконта Либана, полковника французской армии, который объявил Эльзас независимой республикой (полковник Либан был казнен, лишен всех орденов, званий и состояний, семья его бежала в Россию), Николай Иванович Либан — один из наследников Великой Русской Филологии, которого, по причине его родовой независимости и непокорности, обошли и звания, и награды, но он остался в памяти учеников профессором Российской Словесности.

### 3

Слава Богу, филфак МГУ в мои времена был еще богат людьми культуры, которые из слуха в слух, из рук в руки более двух столетий передавали и хранили атмосферу университетской интеллектуальной жизни. Это и Александр Николаевич Попов, автор учебника «Краткая грамматика греческого языка», с его необыкновенным исполнением (почти пением) гомеровского «Гнев, о Богиня, воспой Ахиллеса Пелеева сына» на языке оригинала. И необыкновенный живой и «узорчатый, барочный» пушкинист Сергей Михайлович Бонди. И, конечно же, научный руководитель моего диплома Николай Каллиникович Гудзий. С ним же связано переживание (пусть кратковременное) потрясения и ощущения подлинного ЧУДА.

Великий ученый, крупнейший специалист в области древнерусской литературы, академик, автор учебника и хрестоматии по русской литературе этого периода.

Занятия в его семинаре по «Слову о полку Игореве» проходили у него дома, рядом со старым зданием филологического факультета, вход с улицы Грановского. Тема моей работы была «Дохристианский пантеон в «Слове» (из этого яйца и вылупились мои последующие работы в пределах темы «Семантика антропоморфных и зооморфных изображений в народном искусстве» и главы «Спящего во время жатвы»), но речь сейчас не об университетских штудиях :).

Он был известным библиофилом. (Кстати, первое издание «Слова» — из семи известных — было в библиотеке НКГЭ.) Я же был помешан на собирании книг и чуть не ежедневно обходил все окрестные букинистические. Продавцы меня знали и иной раз вынимали из-под прилавка припрятанный сборник стихов Сологуба или Кузьмина за смешную по сегодняшним временам цену. Но денег было настолько мало, что иной раз я откладывал в сторону приглянувшуюся книгу, ожидая снижения цены. Так, например, первое анненковское собрание сочинений Пушкина, в букинистическом «Метрополя», я пас больше года, каждый раз со страхом ожидая, что его купят. И, наконец, за семь рублей пятьдесят копеек получил все семь томов. Последний том — «Материалы для биографии» — пару лет жил в рабочей библиотеке Натана Эйдельмана, пока я не купил и не заменил ему этот том).

Но возвращаюсь к чуду, которое было связано с НКГ.

Однажды я показал ему только что купленную книгу Анри Лота «Фрески Тассилии». Увидев загоревшиеся глаза профессора, протянул ему книгу, сказав, что у меня есть другой экземпляр (знал, что могу купить его на Тверской) и легко и гордо отказался от предложенных денег.

После семинара вышел из дома Н.К. и направился в район Хорошевки, где жил у маминой сестры тети Полли Волхонской

(все мои родственники по материнской линии во множестве жили и живут в Москве). Пошел пешком — знал, что был абсолютно безденежен. Было холодно и ветрено. Путь пролегал мимо «Националя».

Открылась дверь, вместе с меховой дамой наружу выскользнул и запах кофе (как ни странно, я заходил туда нередко, кофе стоил копейки, но совершенно бесплатно случались впридачу к нему беседы с завсегдатаями «Националя» — Рюриком Ивневым или Крученых и другими филологическими персонажами :).

Уловив запах, рука рефлекторно скользнула в правый карман пальто. Что-то звякнуло, уверенно брякнуло, и — внимание — из ниоткуда, вопреки твердому знанию о пустоте кармана, на моей ладони оказалось несколько монет — ЧУДО повернуло ко мне свой подмигнувший лик и позволило согреться в «Национале», выпить чашечку кофе, услышать рассказ и стихи Рюрика Ивнева, доехать на шестом номере автобуса до дома, а перед этим в букинистическом на Тверской купить прижизненное издание Хераскова, на синей плотной шершавой бумаге без титула (оттого — дешево).

И только по прошествии четырех часов жизни внутри ЧУДА мой немилосердный разум вычислил, что эти деньги были равны стоимости книги Анри Лота. Скорее всего НКГ тайно положил их глупому студенту — мне — в карман пальто. Но эти четыре часа, пережитых в ошеломлении от появления из «ниоткуда» денег, бесовестный разум уже не смог отнять, — ЧУДО — не автомобиль, оно уже произошло, и не имело обратного хода :).

#### 4

Однако вернемся на Манежную площадь к старому зданию МГУ. Там же на узорчатых кованых ступеньках филфака — в ноябре 1960 — встреча и вскоре — женитьба на Алле Бочаровой.

Познакомил нас Слава Бэлза, он был моей первой студенческой дружбой. Спустя годы Слава Бэлза, на какой-то встрече, подошел к дочери и сказал, что ему она отчасти обязана своим рождением. И, увидев недоумение Юли, пояснил, что это он познакомил Леонида Латынина и Аллу Бочарову на лестнице филфака на Манежной.

По этой знаменитой кованой полустертой лестнице бегали и ходили (совмещая следы) будущие Герцен, Лермонтов, Жуковский, Ермолов, Кони, Киреевский, Аксаков, Введенский, Веневитинов. Белый, Грибоедов, Гнедич, Карамзин, Мейерхольд, Розанов, Станкевич, Тургенев, Тютчев, Фонвизин, Чаадаев, Чехов, но, как писал Андрей Белый, — «но прочая, прочая, прочая»...

Да, это правда, именно на этой лестнице Слава Бэлза нас и познакомил.

После этого знакомства, походив час во дворе филфака и жадно доверив друг другу сведения о своем воображаемом будущем и реальном прошлом, решили, что нам необходимы «брачные узы». Через пару месяцев (срок между подачей заявления и регистрацией) брак состоялся (на сей день ему уже 62 года).

Филфак на Манежной шестидесятых для меня случился во времена, когда жизнь пришла в движение и произошла сшибка новых и старых идей, и где наивно и искренне начинающие словесники торопили время и выясняли радикально, неистово и непрощающе, кто стоит на сотую миллиметра шага ближе к истине. Это и были первые ступени последующего долгого пути, который без них был бы иным. Слава Богу, что в начале жизни случились и достойные учителя, и книги, в которых, как рыб в океане, было знатно знаний, и уже от тебя зависело, как распорядиться оними.

Думаю, еще вернусь к годам работы в «Худлите», «Юности» и встречаю с людьми, которых очередной «ветер времени» сделал «видимыми» или оставил невидимыми.

Однако до продолжения (возможно) этих полувоспоминаний, я должен сознаться, что они были лишь частью моей главной личной тайной внутренней биографии.

Ибо я, практически, до дна НИКОГДА не был там, где был (даже во время тяжелой онкологической операции оставался вне здешнего бытия).

Ибо — ВСЕГДА — шла, занимая почти всю жилую часть души, — моя главная, единственная, внутренняя, безвременная безлюдная жизнь — отдельно от той внешней, монотонная, как водяные часы, капля за каплей, без событий, человеков, государств, границ, земли, только время от времени отвлекаемая текстами «Гримера», «Спящего» и «Берлоги» (поэзия не в счет, она была «и есть» воздухом моей свободы, заполняющим просторное, безвоздушное, пустое пространство между мной и социумом, черновиком дневника соприкосновения с текущим временем (или моим парашютом, который спасал меня не раз во время болезненных контактов с землей этого самого социума).

В моем случае «Мне НЕ исковеркал жизнь талант двойного зренья». Он был моим защитником, проводником в стране «тени», моей абсолютной свободой, моими доспехами в ранищем и убивающем (чаще всего — чужом) социуме.

Возможно, здесь уместно будет вспомнить один эпизод моей здешней жизни, который поможет получить некое представление о той главной части мерцающей жизни моего второго реального параллельного бытия, не считая, конечно, потустороннего опыта Швеции, которая, как оказалось, всего ближе находится к калитке соседнего измерения.

Начало второй половины прошлого века, студенческие летние каникулы, Кижы, деревня, облезлый дебаркадер, сумерки, жальник на вершине острова, кресты в смутном сером небе и вдруг рывок, словно кто-то просунул руку в тело и вывернул меня нутром наружу, и все, что было моим мясом, стало звездами, ветром, историей, тем, что было, и тем, что станет, и тем,

что есть, тем, что всегда, а внутри по контуру пустота бывшего тела, ничтожно малая пустота, по сравнению со всем мной, из которого состоит все. Не помню времени дления этого события, но врезан в память графически резкий и ясный рисунок произошедшего и происходящего, и еще не случившегося, но уже случившегося (об этом «Гример») времени. И снова зримо и плавно, и слегка болезненно влезло в меня вывернутое тело со всей новой памятью и новым иным знанием.

И опять друг за другом терпкие безымянные будни и высокая стена долга, которой я надежно отгородился (неумышленно) от живого мира, стена долга и служения близким, встреченным, случайным людям (не помню точно, когда и кто, но отчетливо вплоть до звука услышал и запомнил: «Все что можешь ОТДАТЬ — отдай, ибо НЕ твое, что не МОЖЕШЬ отдать — только твое»). Эта стена и отгородила меня от живого социума. И я забыл, как выглядят люди, забыл, что они есть, эта тотальная свобода привела к естественной духовной кончине («дано тебе стареть, но умереть сперва») и я много лет провел в заблуждении, что случившееся небытие только обреченно и возможно, НО, как все имеет начало и конец, так и смерть имеет начало и конец.

Той, другой, главной жизни становится все меньше («начала было много Бога и мало человека, но стало мало Бога и много человека»), а эта малозначимая ранее для меня жизнь большеет, прибывая, как узнаваемыми людьми и событиями, которых раньше видел, не видя, слышал, не слыша, так и теми, кого не встречая — знал и ждал, и не дождался.

## 6

И в этой для меня «новой» жизни, где стало «много человека и мало БОГА», память возвращает и делает насущной реальностью встречи с людьми, которые оказались боле значимыми и в той тайной, только моей жизни, чем мне мнилось, когда они были на расстоянии слова и жеста.

Даже этим черновиком текста о моей — не моей жизни я обязан гениальному петербуржцу Юрию Ханону, тоже обитателю иного мира и великому музыканту, подарившему мне полное полиграфических загадок и мистификаций с водяными знаками издание романа «Гример и Муза» и живое напоминание, что и здесь (местами) возможно продолжение другой нездешней :) истории, и даже существует вероятность (крайне малая) быть услышанным.

Обретают резкость и иную меру содержания и важности еще несколько встреч, без которых и та «только моя» жизнь была бы другой или по крайней мере осталась бы в пределах иллюзорности, невыраженности и блужданий вне мира и времени:

Вот неполный список этих встреч и наиболее значимые для меня имена —

Петр Константинович СУМАРОКОВ — первый учитель,

Александра БАРАНОВА-ЛЯМИНА, Евгений ВИТКОВСКИЙ, Ольга КОЛЬЦОВА, Марианна ОБОЕВА, Лев ГУЩИН, Таня ГУЩИНА, Жорж НИВА, Ольга РЕВЗИНА, Георгий ГАЧЕВ, Олег БОГДАНОВ, Вячеслав ИВАНОВ, Светлана ИВАНОВА, Дарья ВОРОНЦОВА, Виктор КАГАН, Анатолий ЭФРОС, Наташа КРЫМОВА, Мария МИРОНОВА, Юрий ХАНОН, Лариса НОВОСЕЛЬЦЕВА, Светлана ОЛОНЦЕВА, Вячеслав БРЕШТ, Борис КОВАЛЕНКО, Ирина ЦОЙ, Ольга ТИМОФЕЕВА, Екатерина ДРОБЯЗКО, Алексей ПАРЩИКОВ, Жорж НИВА, Наталья ИЛЬИНА, Владимир МАКАНИН, Клод ФРИУ, Ирен СОКОЛОГОРСКАЯ, Наталья ПЕРОВА, Генрих БОЧАРОВ, Кира ПРОШУТИНСКАЯ, Светлана КОНЕГЕН, Лена САВИНА, Мариэтта ЧУДАКОВА, Саша ЧУДАКОВ, Владимир ЛАКШИН, Светлана КАЙДАШ-ЛАКШИНА,

Алла ЛАТЫНИНА (Бочарова),

Андрей БАРАНОВ (инициатива издания этой книги и составление).

Но, пожалуй, главная встреча не только с человеком, но и с темой — Евгений ВИТКОВСКИЙ. Ибо это тема «серебряного века», которая, как и идея христианства, присутствовала в моей жизни, начиная с моего провинциального детства, с домашних подшивок «Золотого Руна», «Аполлона», «Мира Искусства», имен Блока, Мережковского, Розанова, Добужинского Врубеля, Бакста и в какой-то степени была потом реализована и в моих стихах, и даже в премии «Серебряный век».

Конечно, общение с Корнеем Чуковским, Рюриком Ивнеевым, Анастасией Цветаевой, Марией Платоновой, Марией Волошиной добавили ощущение реальности звука и музыки, интонации «Серебряного века», но главным вожатым в лабиринте этой мерцающей, еще живой, но недоразгаданной темы, конечно, случился Евгений Витковский.

Евгений ВИТКОВСКИЙ — современник и последний гений Серебряного Века русской литературы. Никого рядом — ни равных, ни похожих. Низкий поклон и благодарность за каждую минуту общения, за неповторимый пример СЛУЖЕНИЯ.

Ибо он жил, выполняя миссию спасения быта и бытия нынешней русской поэзии от унижительного пролетарского уровня, в котором пребывала она по воле слепой и темной, тяжелой и свирепой родственной ей пролетарской власти.

Нашим своеобразным паролем взаимного допущения и попадания во внутренние духовные жилища с Евгением ВИТКОВСКИМ, как это ни странно, стал Вильгельм Шерер.

Да, да, тот самый немецкий историк литературы, последователь Конта, Милля и Бокля, пытавшийся создать систему «национальной этики». У меня в библиотеке в годы моих букинистических «мечтаний» оказались два издания его работы по истории литературы. Там были мной для себя открыты имена, которые не попали ни в программу филфака, ни в прочие актуальные читальники. От Генриха Фельдеке, Генриха фон Морун-

гена, Герборта из Фрицлара, Альбрехта из Гальберштадта, Гуго фон Тримберга, Ганса Розенблюта, Иоганна Рейхлина, Конрада Цельтиса, Фридриха Дедекинда до, скажем, предшественника «романтической школы» Жана Поля Рихтера.

Представьте себе, КАЖДОЕ из Шереровских имен было не только знакомо ЕВ, но и каждому он мог дать СВОЮ оценку с цитатами и толкованием текста.

Ошеломление мое случилось полное, закончившееся моим счастливым пленением этим «ренесансным» великим интеллектом и талантом.

Долгие годы общения (обогащения) и работы (один из результатов — наша книга диалогов ЕВ и ЛЛ — «Фонетический шум» <http://www.latynin.ru/books/phoneticnoise.html>) привели меня к мысли, что ЕВ и есть само имя одному из направлений продолжения эпохи «Серебряный век», которое в нашем разговоре мной и было означено: «Московская Нота».

Несколько слов о жизни и географии понятия «Серебряный век» во времени. Мы сегодня уже можем рассматривать этот иероглиф не только в качестве знака определенного периода отечественной литературы начала XX века, но и знака определенного эклектичного СТИЛЯ, семантика которого совпадает с понятием «петербургский стиль русской поэзии начала XX века». Блок, Ахматова, Цветаева, Белый, Мережковские — одни из «икон» этого стиля.

И когда стало реальностью предсказание «Быть Петербургу пусто» Евдокии Лопухиной (инокини Елены), озвученное в петровских пыточных камерах и записанное черным по белому в следственном деле царевича Алексея, подхваченное и переосмысленное Мережковским («Быть Петербургу пусто. Смерть Петербурга — жизнь России, Жизнь Петербурга — смерть России»), то и свободная музыка «серебряного петербургского века» после этих наших очередных «великих потрясений» в семнадцатом году и далее по датам уехала, уплыла, убежала, улетела в Европу.

Многие поэты, верные традиции Серебряного века, осели в Париже. (Так случилась «Парижская Нота»). И выразителем этой «парижской ноты», несомненно, и одним из главных голосов «серебряного века в изгнании» стал (для меня) Георгий Иванов, впервые в полном объеме изданный ЕВ.

Прошли годы. Интонации, мелодия, словарь Георгия Иванова и другие свободные голоса эмиграции вернулись в Россию, минуя Петербург, прежде всего в Москву (даже Борис Пронин, создавший «Бродячую собаку» в Петербурге, в сыром подвале старого Дашковского дома на Михайловской площади, перевез в 20-х годах это главное обиталище культурной элиты «серебряного века» в Москву под псевдонимами — «Странствующий энтузиаст» и «Мансарда» — в силу естественного перемещения культуры из старой столицы в новую). В интонации традиционного «петербургского серебряного века» стали заметны, слышимы и узнаваемы интонации «парижского серебряного века в изгнании». Знаки этого нового стиля стали слышимы и видимы в текстах и Липкина, и Лозинского, и Штейнберга, и Липскерова, и Чухонцева, и Самойлова, и Лисянской, и Тарковского.

И стихи Евгения Витковского своей культурой, феноменальным, даже избыточным словарем, которого не случилось ни у одного из вышеназванных поэтов, естественно и органично вписались в новую традицию «Московской Ноты», которая участвовала в сохранении живой природы стихотворной речи петербургского Серебряного века и его продолжения — «Парижской Ноты».

Но, справедливости ради, все же приведу ответ частичного публичного несогласия ЕВ с моими заметками в «Топосе» о «Московской ноте» <http://topos.ru/article/6554>

Далее текст ЕВ.

«От нефти, от газа, рубля и пр. — тут я с Латыниным не до конца согласен — все-таки осталось кое-что. Акции культурного нигилизма? А кто их знает? От Чернышев-

ского если и ничего не осталось как от писателя, то остался Чернышевский — литературный герой Набоковского “Дара”. Это совсем не мало.

Мне посчастливилось родиться как раз на той самой Большой Молчановке, где (уже на чердаке) Борис Пронин все-таки возродил свою “Бродячую собаку”. От дома, где я родился, до музея-квартиры Марины Цветаевой, и десяти метров не будет.

Думаю, XXI век принес действительно радикальные перемены — Америке — черного президента... ну, а нам — слияние нот. Почему НОТА должна быть одна? В привычной нам гамме их как минимум семь. Можно и двенадцать. Так что это не столько МОСКОВСКАЯ НОТА, сколько всеобщая ГАММА, а московская... Ну, господа хорошие, Москва для России все-таки — столица. Так что

ДА БУДЕТ НОТА

ДА БУДЕТ ГАММА.

А “Серебряный Век” — даже если кто-то фыркает — он все равно продолжается.

Что есть у поэта, чего у него не отнять, это — желание того, “чего нет на свете”».

Но далее — в одном из разговоров, по мере того, как появлялись новые замечательные книги близких нам авторов, у нас возникла идея учреждения премии «Серебряный век» и издания книг в серии «Сон серебряного века». Спасибо «Водолею» Евгения Кольчужкина (Главный редактор издательства ЕВ), поддержавшего эту идею.

Строчка из моего старого стихотворения была предложена именно ЕВ для названия серии. По его словам, «Серебряный век» был убит «залпом Авроры», а вот «Сон» и сегодня и всегда надежно защищен от всех социальных систем и оружий мира».

Вот текст ЕВ из первой книги серии «Сон серебряного века»:

### ПОСЛЕСЛОВИЕ К ВЕКУ

«Кто первым произнес словосочетание “серебряный век” — нынче уже более-менее установлено: не Николай Бердяев, а сын царскосельского фотографа и член «Цеха поэтов» Николай Оцуп, — что засвидетельствовано патриархом этого самого “серебряного века”, Сергеем Маковским. Есть, правда, и другой претендент, загадочный Глеб Марев (1913), но для нас это сейчас не так уж важно. Скорее важно понять:

а) когда Серебряный век начался,

б) когда он кончился.

Если на первый вопрос хоть и размытый, но все же есть ответ (между 1895 и 1905 годами), то на второй — сколько специалистов, столько ответов. Вадим Крейд считал, что Серебряный век закончился вместе со штурмом Зимнего дворца. Замечание, что штурмовали не столько Зимний дворец, сколько царские винные погреба (иначе не отделался бы так легко Женский батальон поручика М.Л. Бочкаревой) Крейд в расчет не брал, он считал: сменилась власть — сменился век. Что ж, возможна и такая точка зрения.

Нечто подобное формулировала и Ахматова, считавшая времена НЭПа пародией на акмеизм. Еще чаще концом Серебряного века считают дату смерти самой Ахматовой. Наконец, есть точка зрения, что покуда оставался в живых хоть один поэт, выпустивший авторский поэтический сборник до 1917 года — Серебряный век, пусть в отдельных своих представителях, но продолжал жить. В этом случае датой конца Серебряного века оказывалось начало июля 1991 года (дата смерти С.В. Шервинского): советской власти оставалось доживать около сорока дней. Наконец, есть и точка зрения Д. Бобышева, что Серебряный век кон-

чился лишь вместе со смертью последнего значительного поэта первой волны русской эмиграции, продолжавшей традиции прекрасной эпохи: в 1996 году, когда в далекой Флориде скончался Игорь Владимирович Чиннов. Интересно, что эта дата почти совпадает с датой смерти Иосифа Бродского. Можно привести еще полсотни вариантов даты “кончины” Серебряного века.

Только где его могила? У нас на книжных полках и в компьютерах? Откройте нынешние антологии русской поэзии XX века: какая же мощная у нас была поэзия. Да, ее не печатали, да, если печатали, то на Западе, но это не в счет — и т. д. Но время неумолимо выдавливает из антологий прихвостней эпохи и замещает их истинными поэтами, имена которых никому не были известны ТОГДА, зато ТЕПЕРЬ — у всех на слуху.

Получается, наиболее вероятно такая гипотеза: Серебряный век кончился... только что. А точно он кончился? А может быть он не кончился? А может быть слухи о его смерти немного преувеличены?..

Не берусь вынести приговор, век — не незабвенная корова из “Ста лет одиночества” Г. Гарсия Маркеса, на боку которой можно повесить вывеску: “Это — корова, она дает молоко...”. Поэтому, в силу крайней размытости наших определений, позволю себе сделать совершенно еретическое допущение: Серебряный век пока что не кончился и неизвестно — когда кончится.

Отсюда и следует некоторое начинание, родившееся из строчки Леонида Латынина: помимо серии “Малый серебряный век”, в которой выходят книги совсем забытых и почти ничего не издавших поэтов-современников Серебряного века, начать еще одну серию: “Сон Серебряного века”. Это серия для тех, кто не вышел из традиции, и кто сам привык назначать дату сегодняшнего дня: как безумный Гельдерлин в последние сорок лет жизни ставил

под стихами то 1640 год, то 1940, “назначая век” — так и поэты нашего времени, плотью и кровью привязанные к Серебряному веку, попадая под обложки нашей “параллельной серии”, становятся причастны ему по крайней мере формально. Это не постмодернизм, пришедший на смену модернизму — те были всегда, всегда и будут. Это поэзия сна, которая привиделась серебряному веку, а еще вернее — поэзия собственно Серебряного века, который не может окончиться, ибо не исчерпал своего запаса жизненной энергии.

Так что если это краткое послесловие обращено к веку, то не к Серебряному. А к действительно окончившемуся ДВАДЦАТОМУ веку: что поделать: в нем прошла основная часть нашей жизни.

Одно можно констатировать с уверенностью: из всех явлений, порожденных русской поэзией за столетия, самых долговременным и живучим оказался именно Серебряный век».

Эта замечательная мысль ЕВ могла остаться в какой-то смысле образцом высокой риторики, не приди нам в голову желание сделать ее фактом нынешнего литературного быта.

Мне давно была близка мысль, которую лучше всех сформулировал Илон Маск, — о том, что «миром движут не идеи (они несметны), а только их ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ». Вот и наши беседы с ЕВВ постепенно материализовались в реальный проект, и в 2008 году случилось первое вручение премии. И потом в серии «Сон серебряного века» вышли и книги лауреатов.

Цитата из устава премии:

«В 2008 году группа энтузиастов, которую возглавляют поэт и прозаик Леонид Латынин, а также поэт и народный артист России Сергей Юрский, учредила ежегодную литературную премию “Серебряный век”. Основное

требование к поэтическому творчеству номинантов — неустанное следование художественным традициям Серебряного века».

Лауреатами премии «Серебряный век» стали поэты:

- в 2008 году — Ольга Кольцова (Москва),
- в 2009 году — Виктор Каган (Даллас, Техас),
- в 2010 году — Илья Будницкий (Екатеринбург),
- в 2011 году — Надежда Мальцева (Москва),
- в 2012 году — Елена Тахо-Годи (Москва).
- в 2013 году — Вероника Афанасьева (Санкт-Петербург)

Разумеется, закономерно и то, что лауреатом премии стал и Евгений ВИТКОВСКИЙ.

Цитата из Диплома ЕВВ:

«В 2014 году, по итогам голосования жюри, премию получил поэт, прозаик и эссеист Евгений Витковский — за двухтомник избранных произведений “Вечный слушатель”, вышедший в Москве и Дюссельдорфе двумя изданиями в 2013 и 2014 годах, а также за вклад в изучение поэзии русского Серебряного века и русского зарубежья (подготовка собраний сочинений Г. Иванова. А. Несмелова, И. Елагина и ряда других поэтов первой и второй волн эмиграции)».

## 8

У великих людей нет ни года, ни века жизни, как и нет чистел рождения и смерти, им всем Бог отвел некую субстанцию единого времени, в ней они обитают, проводя время в ВЕЧНЫХ беседах и спорах между собой и нами — текстами, мифами, легендами (а иногда и сплетнями) и судьбами.

Евгения ВИТКОВСКОГО отделяет один шаг не только от Варлаама Шаламова, но и от Георгия Иванова, Ходасевича, Блока, Тютчева и, наконец, по моему ощущению, и от Петрарки и Катулла.

Все они живут ТАМ, в отведенном Богом пространстве, в ПОЛНОМ ОДИНОЧЕСТВЕ, проводя время в беседах с другими «одинокими», где совсем не знают, «какое, милые, у нас тысячелетье на дворе». А если и пишут иногда о живущих в текущем веке: «И никому заботы нет, что людям дам, что ты дала мне, А люди — на могильном камне начертят прозвище: Поэт».

Увы мне, к сожалению, Тютчев куда как ближе к реальности, чем Блок: «Не верь, не верь поэту, дева».

Им до рождения вынесен приговор — жить в полном одиночестве (счастливым, замечу, однако, одиночестве) и этот приговор обжалованию не подлежит.

*Леонид ЛАТЫНИН*

*Евгению Витковскому*

Пока не выполз голубь из берлоги,  
Пока цветок не окотился вдруг,  
Мы подведем столетию итоги,  
Еще летам неведомый, мой друг.

Мы жили долго в не небесном храме,  
Одни всерьез — другие невпопад,  
Рожденные при рукотворном хаме,  
И при другом спустившиеся в ад.

Бессмысленны, умны, простоволосы,  
Не сделавшие дела ни на грош,  
Вот разве что задавшие вопросы,  
Которые ты сразу не поймешь.

Зачем ярму вручали страстно шеи,  
И старый дед и юный пионер,  
Зачем строчили нам родные швеи,  
Не сарафаны — саваны в размер.

И почему кумиров навалили  
Из бесов, дураков и прочих «не».  
Да мы и сами поняли едва ли,  
Что жили, как и померли — во сне.

*10 июля 2021*

Пережив закат Европы,  
Перепутав день и ночь,  
Любят новые холопы  
В ступе прошлое толочь,

Поменяв на право лево,  
Масть героев и знамен,  
Помолись, святая Дева,  
За уродов всех времен.

Дай-то Бог и это минет,  
Власть на власть умножит век.  
Если солнце не остынет.  
И не сгинет имярек.

*11 марта 2021*

*Андрею Баранову*

Я — очень многочисленный народ,  
Меня давно невыносимо много,  
И я бреду весь век наоборот  
Сначала к богу, а потом от Бога.

А на границе всадники и рвы,  
Пролет открыт лишь бабочкам и птицам,  
Еще летучим призракам молвы,  
Рассеянным по прочим заграницам.

И боле никого и никогда,  
Ни звука жеста, ни живого слова,  
И без людского праздного суда  
Под крышами размноженного крова.

Здесь нету войн и схваток за престол  
Здесь правлю я давно — в пределах тела.  
Здесь в подданных покорнейший глагол,  
И каждый звук до хрипоты предела.

Так и живу, не помня ни о чем,  
Для здешних лет избыточно пропащий.  
Вот если бы не ангел за плечом,  
Да чей-то голос вещий и скорбящий.

*3 июня 2021*

Пришла пора сложить слова,  
Минуя смыслы бытия,  
О чем как раз на Покрова  
Мне ворожила лития.

Ее читали в тишине  
Две тени медленно и врозь,  
Одна принадлежала мне,  
Другую знать не довелось.

И слов не различая бег,  
Я ощущал их скорбный ток.  
Как будто виртуальный век  
Опять реальным стать не мог.

Две тени перешли в одну,  
Поднялся ветер, выдул прочь.  
И как корабль идет ко дну,  
Спускалась в небо плавно ночь.

Ничто перетекло в потом,  
Потом перетекло в тогда.  
И все покрылось мертвым льдом,  
Чтобы исчезнуть без следа.

*18 декабря 2021*

В мире мемов победивших  
Зло, добро и прочий хлам,  
Я один из многих бывших,  
Кем владеет нынче хам.

Сплю, грущу, в вагоне еду  
Из откуда в никуда.  
Подчинясь больному бреду,  
Без особого труда.

Ни с чего смеюсь и плачу,  
Ни за кем бегу вперед.  
Ничего давно не значу  
Для животного народ.

Скоро край за той осиной,  
Не обрыв, а вечный сон,  
Стану мертвою скотиной,  
Всей вселеной в унисон.

Жаль земли, что вслед за мною,  
Оборвется дряхлый плод.  
Никакому больше Ною  
Не успеть достроить плот.

*27 мая 2023*

Поры души и духа  
Забиты свинцовым мхом.  
Что мне ваша разруха,  
Я со своей знаком.

Много в душе скопилось  
Страха и суеты,  
Чем же, скажи на милость,  
Могла бы помочь мне ты.

Сама по чужому небу  
Движешься тени вслед,  
Слушая только Гебу,  
Которой на свете нет,

Перебирая крохи,  
С вечера и до зари,  
Смыслы больной эпохи  
Не вписанной в буквари.

Я и не жду ответа,  
Который нашли бы мы.  
Не различая света,  
Не принимая тьмы.

*26 марта 2021*

Мой век изжит,  
Исчерпан и забыт.  
Прощайте, Вечный Жид,  
Благодарю за быт —

Войны, гильбы, чумы,  
За капище тельца,  
За то, что были мы  
Не в мать и не в отца.

А в чей-то грешный род  
Калек и дураков,  
Которых недород  
Был в скопище веков.

Вот, наконец, пришел  
И их верховный час.  
Юродствует монгол,  
Что нас от нас не спас.

Приличное жильё,  
Вкусна крутая състь,  
Но за столом жулье,  
Где нас не может быть.

Кончается зима,  
Пора бы сеять жито,  
Коль не сошли с ума  
И Слово не изжито.

*6 апреля 2021*

*Андрею Баранову*

Как хорошо, что смерти нет,  
И прах всего лишь прах,  
Накинь на сон мой легкий плед,  
На четырех ветрах.

Свяжи из пряжи нежных слов.  
Воздушное — аминь,  
И извлеки из детских снов  
Другого неба синь.

И память прошлую развей  
По всей земной глуши,  
И не забудь, любви моей  
Об этом напиши,

Как обнимал ночной залив,  
Как плыл волне в упор,  
Как был в прощальный час красив  
Туманный абрис гор.

Еще о том, что плеч покат  
Пронзительно был бел.  
И что вернуться к ней назад  
Мне грешный Бог велел.

*ред. 12 августа 2021*

Как стаи птиц, смежив крыло,  
Мчат на Восток, то от Востока,  
Так и народ добро на зло  
Меняет во мгновенье ока.

И наблюдая волны птиц,  
Как и они стремясь к итогу.  
На землю упадаешь ниц  
В поклоне неизбежном Богу,

Мерцающему там вдали,  
Куда маршрут, как сталь из ножен,  
Где путь один за край земли,  
И путь окольный не возможен.

*17 января 2023*

Сколько нас по весям и по долам  
Размело неведомо куда,  
Мы живем, хранимые глаголом,  
Далеко от Божьего суда.

И садясь к разбитому экрану,  
Смотрим явь похожую на бред.  
Что случилась, говорят, по плану  
На зеркальный умысел в ответ,

Птичий грай под рокот водопада,  
Жаркий куст в оранжевом цвету.  
И салюта свет из Цареграда  
В двух шагах сгорает на лету.

За окном нечеткая дорога,  
Тыщи верст до отчего крыльца,  
И зеница каменная Бога  
Посреди разверстого лица.

*2 февраля 2023*

Снова каменный век — тетива и секира,  
Снова шкура звериная в плоть проросла,  
И сегодня, когда полыхает в округе полмира,  
Равнодушно корону напялило время на темя осла.

Что мне делать скажи, если правит разруха,  
Если спутаны в ком наугад рубежи,  
И остался лишь дым от сожжения Божьего духа,  
Что мне делать скажи.

Я немного мог, еще менее ныне,  
Кляп и посох, моя золотая стезя.  
Я полвека вожу свои мысли тайком по пустыне.  
Где не то, чтобы петь, даже выжить наверно нельзя.

Знать, уже не дойти до зеленого дола,  
До заветных границ, где «умре — не истле»,  
Даже медленным шагом живаго глагола,  
Чье бессмертное эхо вело нас по грешной земле.

*15 мая 2023*

Чего тебе бояться, человек,  
Разбоя, воин, тем паче грабежа?  
Когда уже лежит на холмах снег,  
За той чертой земного рубежа.

Промчался ветер, вывернул ольху,  
И майских листьев кружит вороха.  
Опять бузят соседи наверху,  
Все те же окаянные верха.

Закрою окна и захлопну дверь,  
На спину лег и очи в потолок.  
Зачем сюда, когда бы надо в Тверь,  
В подвал на дно, и двери на замок.

Увы и там, не то чтобы война,  
Но гул ее доносится вполне,  
Хотя она еще в пределах сна —  
Прелюдия короткая к войне.

Искрит кремень ударом о кремень,  
И рядом порох до крупицы сух.  
Да толпы деревянных деревень,  
Да плачи погребальные старух.

*28 мая 2023*

Еще одна смешная дата,  
Еще один нелепый срок,  
Кому-то в дар ума палата,  
А мне — безумию оброк.

И, Боже мой, о чем мечталось,  
Что вызывалось и рвалось,  
И эта жимолость и жалость  
Души нечаянной насквозь.

И веры скорбные причуды  
И Дара горсть в пустой карман.  
Куда же я или откуда,  
В какой очередной туман?

Не выверяя, не перечая  
Все начерно едва — едва,  
Где чертит Иоанн Предтеча  
По камню грешные слова.

И там, и Там из дел, конечно,  
Осталась, что не знаю сам,  
Я жил как все темно и грешно  
Прислушиваясь к небесам.

Немеет речь и тянет дымом  
Из ближних дат и дальних дат,  
Где был смертельно ранен Римом,  
Но слава Богу, не распят.

Воздушный шарик возле моста  
Запутался среди ветвей.  
Мне мнилось жить светло и просто,  
А выпало — как у людей.

*ночь 10 июня 2023*

Время мое прошло,  
Век мой давно прожИт,  
Дохлое мое ремесло  
Под медной плитой лежит.

Там ружья играют блиц,  
И голос их груб и крут.  
Там жарят на меди птиц.  
Пьют без конца и врут.

Что же — таков удел,  
Каждому, кто любил,  
Смысл безымянных дел,  
Из самых последних жил.

Солнце палит наобум,  
Свой совершая круг.  
И снова пытается ум  
Смыслом наполнить звук.

*4 мая 2021*

Пропал хозяин, бесятся холопы.  
 Стреляют, вешают и все идет в разнос,  
 Смотри, как поредело пол-Европы,  
 В огне Восток, и это не вопрос.

Вопрос, что дури хороводит право,  
 Вопрос, что цвет и музыка мертвы.  
 И в том, что слева, те что были справа,  
 И те на «ты», кто был уж на «вы».

Что остается бедному Николке,  
 Стащить штаны, подставив плоть игле,  
 Тому, кто в бальзамической наколке,  
 Творит добро с усердьем на земле,

И Василиск с разводами на роже,  
 И шут с одним, но громким бубенцом.  
 Ты их послал нам, милосердный Боже,  
 Набив мозги соломой и свинцом.

Я не ропщу смирен и неприкаян,  
 Сам по себе, не взад и не вперед.  
 Такой же, как они, безродный Каин.  
 С пустым лицом по имени народ.

Сижусь и жду, когда утихнет свара,  
 Придет другой расхожий молодец,  
 В руке геном — изделие самовара,  
 Наступит мир, а может, и Конец.

*12 мая 2021*

Какому омуту дано тебя понять,  
Какой горе коснуться веткой кожи.  
Нас нет давно, как нету буквы «ять»,  
К тому же мы и розны и несхожи.

И в речи, жесте, шорохе души,  
И в выдохе, и вдохе в новом свете.  
Так пусть за нас бубнят карандаши  
На золотом в минувшее билете.

Поют, молчат, волнуются, спешат  
В пространство втиснуты бывшее,  
В зигзагах линий плачут и грешат,  
Ломая все немое и земное.

И парус века мимо нас летит,  
И мы живем вне «урби» или «орби»,  
Больные пасынки священных плит,  
Укрывших мир достоинства и скорби.

*1 января 2020 —  
12 мая 2021*

«Ты не с Богом, да Бог с тобой»,  
А иначе — ты тени след,  
Что считалось твоей судьбой  
Невесомую сумму лет.

Все несло, а куда несло?  
Не случились — ни край, ни брод.  
По дороге сломалось весло,  
А потом и разбился плот.

Слева луч поперек волны,  
Справа сверк не твоих огней,  
А вдали раскат не твоей войны,  
Но погибнуть тебе все равно на ней.

Все тяжеле он, и короче взмах  
Оловянных рук среди медных вод.  
И надежно вздох заглушает страх —  
Каждый новый год, как последний год.

*6 июня 2021*

Что ты делаешь? Я — живу.  
Ну а кроме — какие беды?  
— Те, что грезятся наяву,  
Превращаясь во сне в победы.

Пол струны оборвешь — и спишь,  
Пол страны обойдешь — и смута.  
Только тихо скребется мышь,  
Пахнет хлебом ее закута.

Ну и чем заменить твой сон,  
Скрипом скрипки, наперстком яда?  
— Дай мне Богу добить поклон  
Посреди неземного сада.

Где часы не меняют дат,  
Где ветра не качают сушу.  
Где у музык червонный лад,  
Что врачует больную душу,

Чтоб за грань бытия свой взгляд  
Бросил сетью бессмертью кратно.  
И вернул бы потом назад,  
В здешний мир не пустым обратно.

*20 августа 2021*

Со мной слова, и все в порядке,  
Картина мира — первый сорт,  
Осел играет на трехрядке,  
Баран в подскоке и присядке,  
И кошка делает аборт.

Летают голуби высоко,  
И рыбы ползают по дну,  
И служит верно третье око,  
Из хама делая пророка  
На вечность мелкую одну,

Земля примерами богата,  
Напрасных дел, грошовых дум,  
Гуляют пасынки Арбата,  
У них особенная страта —  
Проворный страх. Казенный ум.

А мне в достатке только речи,  
И россыпь звуков и тоски,  
Да шар земной верхом на плечи,  
Да в мертвом храме мрак и свечи  
До гробовой, увы, доски.

*12 сентября 2021*

Живу уже не здесь,  
Пока еще не там,  
От прошлого до днесь  
Доверившись векам.

Кого-то вечно жду  
У жизни на краю,  
Пол вечности в аду,  
Пол вечности в раю.

И некому сказать,  
И некого спросить,  
Как долго буду ждать,  
Когда порвется нить.

Меж здесь и никогда,  
Меж там и никогда.  
Когда сойдет беда,  
Как талая вода.

И Див дочертит круг  
Судьбы на этот раз.  
Когда-нибудь и вдруг  
В заветный час.

*12 октября 2021*

## ИСТОРИЯ КРЕПОСТНОГО ЯШКИ

Делюсь известьем новостным,  
Обзавелись мы крепостным.

Пришла пора на склоне лет,  
Не самому варить обед.

Картошку чистить, резать лук,  
Нужна иная ловкость рук.

Таскать ведро, точить ножи,  
А Яшке только прикажи,

Едва вошел — от тут как тут,  
Раздеть, одеть ему не в труд.

Жаль только жизни на краю  
Он сделал легкой жизнь мою.

Семья довольна, жизнь в порядке,  
Проворный Яшка полет грядки.

И как мы жили, право слово,  
Наш целый век без крепостного.

Я горд, что вдруг решил бином,  
Скрывался он во мне самом,

Надежда наша и оплот.

Простите, барыня зовет.

*31 декабря 2021*

Я уже не воюю,  
Жизнь страшна и без драк,  
Свою медную сбрую  
Я спустил за пятак.

Но наверное рано —  
Близок новый исход,  
На просторах экрана  
День и ночь напролет

Тянет бредом и дымом,  
Раскаленным свинцом.  
Не Полтавой, так Крымом,  
То и вовсе Ельцом.

Мне бы склянку сухого,  
И в закус дребедень,  
Николая Второго  
Примерещилась тень.

Зря я память неволю  
Срока жизни в обрез.  
А по снежному полю  
Капли крови с небес.

*3 февраля 2022*

Никто не виноват, что я умру.  
Никто не виноват, что ты умрешь,  
Так грудью солнце поутру,  
Напорется на нож,

Чтоб истекала кровью тьма,  
И обретала речь.  
Я в двадцать лет сошел с ума,  
Чтоб смертью пренебречь

И не истлеть в земной глуши,  
Где ты мой Бог еси.  
Я продал жизнь за клочок души,  
Летающий в небеси.

А здешний, смертный, день за днем,  
Грешил и лгал,  
И жизнь текла за окоем,  
Как из ковша металл.

И вот на крючьях коромысл  
Подвесив — «я» — «не я»,  
«Мы» постигают жизни смысл  
В тени небытия.

*12 апреля 2012  
ред. 27 января 2022*

Где-то в полусне и полуяви,  
На границе воли и неволи  
Я живу на вечной переправе  
Вне пространства памяти и боли.

Рядом время мается и дышит,  
Кружится, куражится, хлопочет,  
Никого не видит и не слышит.  
Да и понимать уже не хочет.

Парус снова надувает щеки,  
Дни и ночи им руководимы.  
Трудно плыть на северо-востоке,  
Где края пусты и нелюдимы.

Вот опять свернулось в лоскут время,  
Вот портной, склонясь, его утюжит.  
Жизни сослагательное бремя  
Больше утешению не служит.

Я встаю не поздно и не рано,  
Бередя о волю слух и душу.  
И смотрю, как зверь из океана  
Выползает медленно на сушу.

*23 февраля 2013  
ред. 5 марта 2022*

Не вышел диалог с глумливым веком,  
А тот, с кем мог — он умер до меня,  
Я срок тянул отдельным человеком  
При свете не небесного огня.

Кто был со мной, не помню и не знаю,  
И с кем я был, не понял до конца.  
Одной дорогой к аду или раю  
Уходят волк и пастырь и овца.

И сон и явь меняются местами,  
Кто мог бы быть — истрачен ни за грош.  
Земная ширь испещрена крестами,  
И множит ложь сама себя на ложь.

*9 марта 2022*

Неслышим, невидим в пустыне людей,  
 И в памяти ложной давно пребывая,  
 Я жертва энергии мертвых идей,  
 Заложник минувшего рая,

Где козы паслись, нацепив на рога  
 Истлевшего фавна корону,  
 Где были украшены лавром луга,  
 Согласно чудному закону

Безмолвия речи, невнятице дат,  
 Лишенных конца и начала,  
 И где отраженная в небе стократ  
 музЫка негромко молчала.

Где тени ушедших скользили во тьме,  
 Насквозь проникая друг друга,  
 И не было в их опустевшем уме  
 Различий квадрата и круга.

А только пунктиры и точки судьбы  
 В расколотов временем раме,  
 Где рыбы, как верные вере рабы  
 Играли свой ямб на там-таме.

И стадо согласных в кружении птиц  
 Шутя закрывало и память, и слоги.  
 И облако, молча упавшее ниц,  
 Молило пространство о боге в итоге.

И мир этот мерк постепенно на нет,  
 Мерцал, становясь бесконечней и уже.  
 Я слушал и гас уходящему вслед  
 Бездомен, неслышим, и счастлив к тому же.

*6 декабря 2019  
 ред. 10 марта 2022*

## НЕЧТО ЛИРИЧЕСКОЕ О КОНЦЕ СВЕТА

Надышалась, нагулялась милая моя  
И летит себе за краем бытия — небытия,

То по небу, то по кромке лезвия огня,  
И не слышит, и не помнит грешного меня.

Стонет, плачет и вздыхает, крыльями шурша.  
И живет ее другая не со мной душа.

То ли время новой веры, то ли век потерь.  
То ли Бог ее качает, то ли гонит зверь

По земле, где только пепел, да еще зола,  
Где на всем на белом свете — ни добра, ни зла.

*28 мая 2022*

Ступени вверх, ступени вниз —  
Не знак итога.  
Пространство — времени каприз,  
Улыбка Бога.

Ружье нацелено в мишень,  
Мишень беспечна.  
И на лице слепая тень  
Так быстротечна.

Дождем омыт небесный храм  
Через дорогу,  
Где молится усердно хам  
Себе — не Богу.

Дымится тонкая свеча  
На фоне фрески,  
Черты раба и палача  
Равно нерезки.

Мелькает век за часом час —  
Неуловимо,  
И жизнь проходит мимо нас,  
Незримо мимо.

*26 августа 2009  
ред. 10 июня 2022*

Много чести для этого мира  
Разбираться в его мираже.  
Мне порукой двуглавая лира,  
На прощальном ее рубеже.

Мы уходим куда-то рядами,  
В остающихся память скользя.  
И отчасти становятся нами  
Нас любившие прежде друзья.

В них случатся фантомные боли  
Наших чаемых мыслей и грез.  
Или грешные наши бемоли  
Доводившие душу до слез.

Вам пригрезятся с ними при встрече  
В пустоте переделкинских дач  
На пол слова умолкшие речи,  
На пол звуке оборванный плач.

*10 июля 2022*

Живу среди зверей в своей удобной клетке,  
Защита не ахти, но нет другой, увы,  
А в двух шагах шалют их праведные детки,  
Хозяева хулы, опричники молвы.

Ну что мне вам сказать и неДруги и други,  
Какой ответ сложить на штатную напасть,  
Мы все уже давно в элементарном круге,  
Где слева рубит голь, а справа режет власть.

И я смотрю сквозь сон и вижу эти пляски,  
И слезы на глазах, как волей не владей,  
И кружатся вокруг свирепой масти маски,  
И больно их любить. И нет других людей.

*29 июля 2022*

Словарь, оставшийся от страха,  
Надежды, помысла, греха,  
Становится добычей праха  
Нерукотворного стиха.

Живя свой век в кругу печали,  
Где день не день, и ночь не ночь,  
Я имя датам дам едва ли,  
И в этом некому помочь.

Вот легкий дым, кем быть случится,  
Вот в новый век закрыта дверь,  
И римская мертва волчица  
В потоке списанных потерь.

Но продолжается охота,  
Собачий гон не минет нас.  
И не спасет Спаситель — Лота  
На этот раз.

*16 октября 2022*

Обещаю тебя разлюбить,  
И, пожалуйста, мне не перечь,  
Здесьней жизни невечная нить  
Истончается медленно в речь.

Ухожу от тебя не спеша,  
Поэтапно, усердно, светло,  
Посмотри, как мелеет душа,  
И как полнится ею стекло.

Еле движутся тени деревьев,  
Теплый дождь моросит за стеной,  
В медной клетке, ворочаясь, лев,  
Не общается нагло со мной.

Я тебя из стекла напою,  
Чтобы оба мы были пьяны.  
И в три звука опять напою  
Безымянную ноту вины.

На наречии немолодом,  
Домонгольским ознобом сквозным.  
Чтобы тело мерцая потом,  
Истекало рассеянно в дым.

*14 января 2015  
ред. 16 декабря 2023*

На мрак и свет помножена душа,  
 Но дважды два не отражают сути,  
 Раз выдал Бог на время пол гроша,  
 И счастье жить свободно в полу смуте.

Подробный Брейгель рядом на стене,  
 Над ним брегет считающий эпоху,  
 Проходит век короткий в полусне,  
 Подсудный, как всегда, царю Гороху.

То он проедет мимо кабака,  
 Где я сижу с бокалом у камина,  
 А то пришлет с пакетом дурака,  
 А то с ружьем усатого кретина.

И тот палит с утра и до темна,  
 И хорошо, что поначалу мимо.  
 Потом случится частная война,  
 В окрестности очередного Рима,

Творя разор обыденный давно  
 Для всех владык от Ирода и дале.  
 Прокрутит Бог короткое кино,  
 И этот царь закончится в финале,

Забыв урок, что истина и ложь,  
 Стремятся обе к общему итогу.  
 Ты сколько эти сущности не множь,  
 А пол гроша вернешь обратно Богу.

*19 мая 2013*

*Георгию Гачеву*

Россия — сплошная Троя,  
У Рима, как в горле кость.  
Нас было на свете трое,  
Из нас, я последний гость.

А прочие в жальной глине,  
С поникшим к земле крестом,  
Что было бы, Господи, с ними,  
В месте ужо пустом.

Вот так же спали и пили,  
Вдали от родимых мест-  
А может скорее — или  
Несли свой тяжелый крест.

Налью себе в миску водку  
В нерусской ржавой глуши.  
И вылью посуду в глотку  
За упокой души.

*7 января 2013*

*Светлане Конеген*

Из неизбывности и нежности  
Из ниоткуда — в никуда.  
Из той великой неизбежности  
Прихода Божьего суда

Пишу Вам, нежная и праздная,  
Сама бессонница и сон,  
Где, эту жизнь прощально праздную,  
Душа спешит за небосклон.

Я жил, как все, на грани случая.  
За гранью меры и тоски,  
И снова боль, слепя и мучая,  
Сжимает бережно виски.

Я Вам пишу, устало веруя  
В несправедливости завет,  
Мы — не последние и первые  
Изгнанники бесплодных лет,

Где мне, земной заботой полита,  
Судьба вполне благоволит,  
Где то, что налито — то пролито,  
А то, что выпито — болит.

*1 апреля 2012*

Я умер много раз, и не воскрес ни разу,  
Душа, как и была, — сплошное травести,  
И все же вновь твержу единственную фразу,  
Спаси и сохрани, но главное — прости.

Все длится волчий век в беспамятстве и страхе,  
Как листья по земле нас размели ветра,  
И все же с нами те, кто, побывав на плахе,  
Не стали жить во зле, не предали добра.

И вот она река — покоя и заката,  
И вот она звезда горит едва вдали.  
Лишь память длит мой час светло и виновато,  
Что жить как все, мой друг, мы так и не смогли.

*9 октября 2019  
ред. 21 декабря 2022*

Туземный словарь параллельного быта,  
Где альфа с омегой равны и похожи  
Где все позабыто, что было открыто  
И опытом мысли, и опытом кожи.

Где не с кем давно перемолвиться словом,  
Поскольку слова, пожелтев, облетели  
И в мире печальном, начальном и новом,  
Рождаются звуки без смысла и цели.

Рука осторожно баюкает руку,  
А вне — совершается таинство брака,  
Увы, недоступное прежнему звуку,  
Как свет недоступен явлению мрака.

А сердце дрожит, как замерзшая птица,  
А голубь гулит в непонятном ознобе.  
И тянется мыслей на юг вереница,  
К уставшей от слез постаревшей Ниобе.

Мы живы с тобою навстречу невстречи,  
Стократ перепетой на бронзовой лире.  
Стоим на развалинах мысли и речи,  
Не зная, что делать в обыденном мире.

*1 ноября 2009*

Еще не высохли чернила,  
В пределах завтра и вчера,  
И спит прекрасная Далила,  
Под ризой век из серебра.

Рука крылом озябшим машет,  
Нырять жарко в облака,  
Никто не сеет и не пашет  
Столетье, кроме дурака.

И жажду утолив лихую  
Туманным призраком воды,  
Чего же я опять ликую  
Срывая поздние плоды,

Опять брожу губами края  
Ища заветные слова.  
В которых ключ к воротам рая  
Мерцает видимый едва.

Зову тугое чувство меры,  
Вдали от меченых дорог,  
Где в царство тени и химеры,  
Лишь иногда снисходит Бог.

*24 апреля 2012*

\* \* \*

Продолжается русская драма  
Неподвластная долгим векам.  
Где играет грядущего хама  
Настоящий грядущий хам.

Где с губительным жаром и пылом  
Мельтешит бунтарей череда,  
Где в пространстве большом и унылом.  
Машет крыльями праздно беда.

Где тасуются скудные страсти,  
Где заходится в раже тоска.  
Хорошо, что мы в собственной власти,  
С револьверной судьбой у виска.

*14 марта 2010*

Пора надежды миновала,  
Пора отчаянья прошла,  
Лоснятся листья краснотала  
Вдоль кромки тонкого ствола.

Я ром плесну себе в посуду,  
И сыром пряным закушу.  
И жизнь, царицу и паскуду,  
На черный танец приглашу.

И мы закружимся нелепо  
В кандальной вымершей глуши,  
Где жизнь прошла светло и слепо,  
При свете сумрачной души.

И что с того, что кратки годы  
В моей измученной стране.  
Под звуки праздной несвободы,  
Мы были счастливы вполне.

*1 ноября 2011*

*Петру Константиновичу  
Сумарокову*

Казалось, все было некстати:  
Знакомство. Зима. Кострома.  
Тускнели на полках тома,  
Начавшие жизнь на Арбате.

Печален апостольский лик  
И плесень на бронзе двуглавой,  
Как будто владевший державой,  
Встречал меня нищий старик.

Встречали пустые глазницы,  
Встречали сутулые плечи,  
Но речи — нездешние речи!  
Но руки — как крылья у птицы!

Он был одинок, не у дел.  
Он был за пределами боли,  
Оставленный всеми. Но доли  
Иной на земле не хотел.

Иначе он мерил обиды  
И мерой иною — потери.  
И заперты наглухо двери,  
Открытые настежь для виду.

И лампа в шестнадцать свечей  
Мою освещала удачу..  
И разве я что-нибудь значу  
Без этих негромких речей?

*1 декабря 1969*

МАТЕРИ — В ЧАС  
РОЖДЕНИЯ ДОЧЕРИ

*Алле Латыниной*

Да простится мне боль твоя,  
Что глаза мои видят свет,  
Что руки держат перо,  
Что думать могу о тебе —  
Да простится мне это все.

*16 июня 1966*

*К.И. Чуковскому*

Все как положено по штату —  
Белы дома и высоки.  
Заставы прежнего Арбата —  
На дне асфальтовой реки.

Колеса режут и утюжат  
Витые лестницы, следы,  
Землей засыпан вечер выюжный —  
Начало нынешней беды.

Все хорошо, все так же минет,  
Снесут и эти этажи  
И сохранившийся доньше  
Обломок пушкинской души.

*3 августа 1967*

Пришли ко мне поля проститься ввечеру,  
 Пришла ко мне лиса с заморышем своим.  
 — Продолжим, — говорит, — охотничью игру,  
 Пока еще твой дом лишь с севера горит,

Пока твой старый сад окутал только дым,  
 Пока еще стоят в цветеньи деревья.  
 И болен ты — молись! — прекрасно молодым  
 Дано тебе стареть, но умереть сперва.

Ату меня! Беги, как бегал за щенком,  
 По кочкам, по лесам, с ружьем наперевес.  
 Летела дробь в меня, ниспослана курком,  
 И спас меня твой враг, твой лютый враг — мой лес.

Ну, руку протяни, пугни меня стволом,  
 Смотри, как мой щенок на твоего похож.  
 Мы около тебя, мы за твоим столом.  
 Пугни меня стволом, чего, охотник, ждешь?

Ухмылка хороша, когда жива душа.  
 Ты чуешь, зверь, мой враг, как лезет дым в окно  
 И как огонь ползет, нажитое круша.  
 Наследникам твоим наследства не дано...

И я сказал: — Уймись, прекрасная из лис,  
 Ты женщина в душе, не женщина умом.  
 Я болен не всерьез — к глазам моим нагнись,  
 Из камня и стекла, да не сгорит мой дом.

Сгорит всего лишь сад, да книжный склад сгорит,  
 Цветы мои сгорят, да я еще сгорю.

— Да мы с твоим щенком, — лиса мне говорит.  
— Да ты с твоим щенком, — в ответ ей говорю.

Огонь лизнул лицо. Паленой шерсти смрад  
Коснулся губ моих и до души проник.  
Я дрался, как умел, но дрался наугад  
И уцелел не сам, а только мой двойник.

Прекрасно пуст мой дом. Прекрасно пуст мой сад.  
Лишь рыжей шерсти клок на письменном столе.  
Чему-то я был рад. Чему — не помню — рад.  
Пустой патрон застрял. Застрял патрон в стволе.

*8 июня 1974*

*Маргарите Тереховой*

Сад ты мой, больной и белый,  
Свет ты мой — на склоне дня.  
Жест по-детски неумелый...  
Вспоминай меня.

Двор. И выход в переулок.  
Вечер долгий без огня.  
Лес не прибран, гол и гулок...  
Вспоминай меня.

Все неправедные речи.  
Речка. Полынья —  
Место нашей главной встречи...  
Вспоминай меня.

Позабудешь — Бог с тобою,  
Все у нас равно.  
Опускаюсь с головою  
В трезвое вино.

Ах, какая там удача  
Среди бела дня —  
Вечер. Снег. Чужая дача...  
Вспоминай меня.

Что за сила мчит нас лихо,  
В разны стороны гоня?  
Еле слышно. Еле. Тихо.  
Вспоминай меня.

10 декабря 1974

Вспышка короткая страха,  
Слабой надежды повтор,  
Благословляя из праха,  
Крестит рука Мономаха  
Наш семиглавый простор.  
Трубно гудит самолетик,  
В небо вперяя крыло.  
Грузная мощь библиотек  
Ванек валяет и мотек  
Миру и мере во зло.

Тянет Сибирью и дымом,  
Пахнет мужицким умом.  
Изнемогая за Крымом,  
Оставленный Серафимом,  
Рушится наш окоем.

*21 августа 1974*

Черной крови выплевывай сгустки,  
На исходе прекрасного дня,  
Осененный крылом трясогузки,  
Мимоходом крещенный по-русски  
Двоеперстьем воды и огня.

Бедный мальчик шестого десятка,  
Раскусивший успеха закон —  
Седину выручает присядка,  
И спасает от смерти оглядка  
До законных твоих похорон.

Суетись и верти головою,  
Все, что должен, смотри, не плати.  
Справедливость — занятие пустое,  
Да отыметса вдвое и втрое  
Без согласия на нашем пути.

Перемена, опять перемена,  
К новой жизни крутой поворот,  
Впереди — мировая арена,  
А за нею — Святая Елена,  
Словно вечер за полднем, грядет.

Так стирай у горячего крана  
Черной кровью залитый платок,  
Порожденье кино и корана,  
Может, поздно, а может быть, рано  
ЖЭКом принятый в должность пророк.

*26 июня 1975*

*Алексею Парщикову*

В окне — луна, а под окном — собака,  
Вверху — звезда, а под звездой — сосна,  
Скажи, какой из знаков зодиака  
Мне объяснит нерукотворность сна.

Я в мире том старею и немею,  
Там жизнь моя проходит на лету,  
А в этой жизни жить я не умею,  
Так меркнет свет лампы на свету.

И там, как здесь, отражены потери  
В давно разбитом зеркале удач.  
И каждому неверию по вере  
Отмерил смех, преображенный в плач.

И длится день, печален и размерен,  
Размыв границы здешнего лица...  
Я — в двух мирах, и дважды не уверен,  
Что сон и явь реальны до конца.

*30 июня 2008*

Закутай мне плечи, закутай,  
Свяжи меня крепким узлом,  
И буду я счастлив минутой,  
Добром обойденный и злом.

Ну что же ты медлишь и тянешь,  
Не стукнешь в закрытую дверь,  
Рябиной за окнами вянешь,  
Совсем ослабев от потерь.

Неужто закончены страхи  
Не встретиться больше уже?  
Неужто измучены пряхи  
На нашем шестом этаже,

И больше не крутятся нити,  
Свивая нас в парную прядь,  
И больше не выказать прыти  
В умении брать и терять?

И только всего и осталось —  
Припомнить сквозь быт и дела,  
Как прошлое нежно сломалось  
И нити судьба расплела.

*10 ноября 1975*

*Ольге Ревзиной*

Вступленье. Середина. Эпилог.  
Открытым текстом. Молча. Между строк.  
Пускаясь в ор. И губы на замок —

— Мне с вами невозможен диалог.

Но вы — и хлеб, и кров моих детей.  
Владельцы вод. И рыбы. И сетей.  
Но вы — вверху на каждый мой прыжок,  
И в ваше ухо вставлен мой рожок.  
И все же, вновь распластанный у ног —  
Не одинок — и трижды одинок.  
Открытым текстом. Молча. Между строк.  
Пускаясь в ор. И губы на замок —

— Мне с вами невозможен диалог.

*6 января 1976*

Во сне люблю, во сне живу,  
Во сне умру, что может случиться,  
А что там в мире наяву  
Мне никогда не догадаться.

Здесь нету стран, материков,  
Корон и прочих узурпаций,  
Ни молодых, ни стариков,  
И даже языков и наций.

Есть только гул или мольба,  
Хоть с кем-нибудь о диалоге,  
Пусть в чине смерда и раба  
Единого с царями в Боге.

Но длится сон невыносим,  
Не длятся век и даже годы,  
И я смиряясь с фактом сим  
Не жду явления свободы,

Чтоб что-то мочь и что-то смочь  
Где ум и воля беспредметна  
И сон перетекает в смерть  
Так буднично и незаметно.

*28 января 2020*

Поболело и перестало,  
Попечалилось и отлегло,  
И душа бесполезною стала,  
Как у мертвья птицы крыло.

Вроде вот оно облако рядом  
И манит наугад естество.  
Смотрит птица невидящим взглядом  
И не видит уже ничего.

Ни того, что раскинуты дали,  
Ни того, что волнуется рожь,  
Там, где стыла душа от печали  
Только тайная легкая дрожь.

*7 ноября 2016*

Дом открыт, разбиты двери,  
Заколочено окно.  
Мне понятно в должной мере,  
Жизнь закончилась давно.

Вот рулю по краю склона,  
Вот ущелье и скала,  
По границе небосклона  
Туча хищно проплыла.

Раз вираж, другой и третий,  
С визгом служат тормоза,  
Мер не ведают столетий,  
Ни дорога, ни гроза.

Под колесами покато,  
Дождь дорогу плавит в медь.  
Хорошо, что не крылато  
И не хочется взлететь.

Торможу себя до стопа.  
Есть еще со страхом связь.  
Дура старая Европа  
Рядом крестится смеясь.

*9 июня 2014*

*Евгению Витковскому*

За окном какой-то город  
И какой-то вдруг народ,  
По друзьям небывшим голод,  
По врагам — наоборот.

Но, увы, ни то, ни это  
Избежать вполне нельзя:  
Эмиграция поэта —  
Неизбежная стезя.

Я судьбу сию не мину,  
Жизнь на мелочи дробя,  
И отечество покину,  
Уходя себе в себя.

И забуду аты-баты,  
Ваши все языки  
И поганкины палаты  
У разлучины Оки.

И потом, к финалу ближе,  
Может, вспомню: хоть умри,  
Был в Женеве и Париже  
Иностранцем, как в Твери.

*9 июня 2000*

Война на бешеном Востоке.  
До мировой подать рукой...  
Как люди странны и жестоки  
В своей юдоли роковой.

А за окном в живом пейзаже  
Церквушки тонкие кресты,  
Зима, распутица и даже  
До счастья к югу три версты,

До голубого небосвода,  
До моря мертвого вдали.  
Меня хранила несвобода  
От края жизни и земли.

От малых бед и прочих буден,  
От безразличия времен.  
И оставался неподсуден  
Любой мой бесконечный сон,

Где столько раз душа убита,  
Где столько раз воскресла вновь,  
Где нежно плачет «Рио-Рита»  
Про безответную любовь.

*4 января 2008*

Черкнет по полдню ветер веткой  
Живую фразу наобум,  
И тихо грянет выстрел меткий,  
Освобождая скорбный ум.

Свобода выдохнет устало,  
Закроет нежности глаза,  
И мы отчалим от причала,  
Когда закончится гроза.

И будем рвать земные связи,  
Минуя землю «над» и «под»,  
Слепой Пегас у коновязи,  
Не замечая наш уход,

Уткнется мордой в чью-то торбу,  
Жуя и слушая прибой,  
На острове священном Корбу,  
Где жили-были мы с тобой.

*4 июня 2016*

Все реже снятся луговины,  
Все чаще снятся облака.  
И тянутся их пуповины  
В закат впадая, как река.

Мне жаль, что жизнь прошла напрасно,  
Что смерть мелькает по ночам,  
Что тайна страха неподвластна  
Моим невидимым очам.

Что рокот времени всесилен,  
Мешает быть и не иметь.  
И слово из медеплавилен,  
Опять переплавляют в медь.

И горы те металлолома  
Сдают в лабазы за гроши.  
Витает призрак управдома  
«В обломках пушкинской души».

А было, вроде бы, намедни,  
Являло слово призрак дум,  
И паузой мирской обедни  
Легко глушило власти шум.

*13 сентября 2013*

Как прежде жил, так и живу,  
Но только реже наяву,  
А все в какой-то дали  
Из самой твердой стали.

Отскочит острая стрела,  
Или сломается игла,  
Или огонь лизнет любезно  
Мечтать о встрече бесполезно.

Здесь роздых свой и воздух свой,  
Что хочешь пей, как хочешь пой,  
Пустыня мерою в квадраты  
Под наважденье аты-баты.

Такая роскошь бытия,  
Где каждый «ты», немного «я»,  
И в довершении удачи  
Жизнь в полу смехе, полу плаче.

*5 июня 2018*

Друзья уходят — недруги цветут.  
Ветшает жизнь, и вера на излете.  
И жизнь в границах призрачных минут  
Опять на той же безысходной ноте.

А грудь полна и ветра, и волны,  
И кровь кипит, и не проходит сила.  
И на серпе погашенной луны  
Живое солнце вовсе не остыло.

Шумит листва, щебечет соловей,  
Глотая мух во время перерыва.  
Я был бы прав, но ты меня правей,  
Что плачешь беззаботно и счастливо.

И дрожь в руках, и плечи горячи.  
И, слава Богу, это не впервые.  
В руках звенят от вечности ключи,  
Заржавленные, жалкие, кривые...

*4 июня 2008*

Перед теми, кто ушел — виноват,  
Перед теми, кто остался — вдвойне,  
Не пора ли помолиться в Цареград  
И не думать по дороге о войне,

Все лелеять бесконечную вину,  
От которой не останется следа.  
Я был призван на гражданскую войну  
Тенью судеб не ушедших никуда.

Все тяжеле череда моих утрат,  
Список тайный прибывает не спеша,  
В хороводе невеселом скорбных дат  
Остается неприкаянной душа.

Мне не выбрать ни страны, ни стороны,  
Мне покоя не даровано ни дня.  
Я заложник неоконченной войны,  
Что затеяли задолго до меня.

*23 мая 2021*

Мой внутренний словарь от жизни так далек,  
И не с кем поболтать без гачевских затей,  
А надо б написать понятный эпилог  
Не только для себя, но даже для детей.

О том, как ось стекла разбита на куски,  
И пряжи спутан слог в движении небес,  
И как играет тьма над нами в три руки,  
Не с тенью за спиной, а только мысли без.

Да мало ли чего, что знал, да не сберег,  
В скитаньи вверх и вниз, но чаще — до и от.  
В двенадцатой земле, где жил когда-то Бог,  
И где уже давно, он есть, но не живет.

Где черная доска и самый красный мел,  
И смысла божий знак подвижен, как вода.  
И где светла труба от света легких тел,  
Летающих наугад и мимо в никуда.

*2 июня 2020*

Так много мне сказать Вам надо,  
И повиниться и пропасть.  
У замечательного ада  
Есть замечательная власть —

Равнять и правых, и неправых,  
К земле клоня насильно ниц,  
Легко воителей кровавых  
И покорителей столиц,

И ими по миру гонимых  
Во все любые времена,  
И простодушных и ранимых —  
В юдоли старости и сна.

И это равенство в итоге  
Сулит, пока я не умру —  
Единство человека в Боге  
И одиночество в миру.

*19 января 2008*

Я б вас любил, кабы не знать заране,  
Что эту чашу завершает дно  
И смерти дверь мерещится в тумане,  
Когда во рту полощется вино.

Не стоит внове затевать измену  
Любой из совершившихся минут,  
Как крепко узел стягивает вену,  
Как пальцы нервно сигарету мнут.

И трость скрипит, и вздрагивает веко,  
Где в Сан-Дени монархи и века.  
Мне жаль в себе живого человека,  
Немного неубитого пока.

Слеза твоя на камне парапета,  
И невзначай пролит аперитив.  
Мне все же жаль, что песня не допета,  
Хотя еще звучит ее мотив.

*5 марта 2004*

Пепельно-серый устойчивый быт,  
Умер, родился, мелькнул и забыт.

*29 мая 2016*

Утоли твои печали  
Чашей налитой вина,  
Все что мнилось им в начале  
Остается в тайне сна.

Я хожу по белу свету  
Я жую земную сыть,  
Жаль, что солнца больше нету,  
Жаль, что некого любить.

Соберу свои пожитки,  
Разложу их на лугу,  
И под пение улитки  
Потанцюю с кем могу.

Будет день и будет вечер,  
Будет божия роса,  
И отправит их диспетчер  
Врозь домой на небеса.

*24 мая 2017*

Ум ночной и ум дневной,  
Как различны ваши масти.  
Быть рабом их краткой власти  
Жалкий жребий наш земной.

Полны веры мысли дня,  
Полный страха мысли ночи,  
Вот опять в избытке очи  
Слез невольных у меня.

И когда последний час  
Истечет в предверьи света,  
Тени сущного ответа  
Ворожат надеждой нас,

Забывая волю тьмы,  
Снова светом жизни полны.  
Нас качают эти волны  
Где рабы и боги мы.

*28 мая 2020*

Я тело износил за годы в дым,  
Я слово стер до самая кости,  
Я рвался жить наотмашь молодым,  
Теперь желанней душу соблюсти.

Раскинув сеть, поймать пяток угрей,  
И пару пива на ночь приберечь,  
Купив в ларьке дешевых сухарей,  
Хлебать, забыв и музыку, и речь.

Соврали мне, что смертные вольны  
В бессмертье находить какой-то толк,  
Я сын войны и брат войны,  
Мой близкий друг — простой тамбовский волк.

Чего же ты мне тычешь пальцем в грудь,  
Чего талдычишь медленно и зря, —  
«Тебя не для забавы выбрал Путь,  
В погожий день шестого сентября».

Я положил, — скажу, — на этот Путь,  
Служить глухим — слепому не урок.  
Я износил, и в этом суть,  
Не только тело за медвежий срок.

*24 мая 2014*

Жизнь возвращается неспешно,  
Горчит, о жалком теребя.  
Опять живешь светло и грешно,  
В глухих окрестностях себя.

А там — ручей течет начален,  
И фазана разъята плоть.  
Как вид убитого печален,  
Мой милосерднейший господь.

Снуют откормленные стаи,  
Скворчат тетерки невпопад,  
Мечта исполнена о рае,  
Пора опять в знакомый ад.

Взведен курок, на мушке тело,  
Чуть набок сбитый хохолок,  
И то, что пело и звенело,  
Находит свой финальный срок.

Мы все живем в подлунном тире,  
Все на виду наперечет.  
Щелчок и — парой меньше в мире.  
И в нечет испарился — чет.

*7 сентября 2016*

За окном — то свет, то тьма,  
Череда войны и мира.  
Не сойти б в ответ с ума  
Среди алчного ампира.

Чижик-пыжик правит бал,  
Хорохорится корова,  
Этот бал заколебал,  
Или хуже, право, слово.

Выйду в поле на простор —  
Никого кругом до дрожи,  
Лишь луна глядит в упор,  
Лишена любви и кожи.

Ветер сонно шевелит  
День прошедший, день грядущий.  
Голубь музыку гулит,  
Высоко паря над кущей.

И такая, глянь, трава,  
И такое время века,  
Что кружится голова  
И подрагивает веко.

С неба падает звезда,  
Грудь навывлет пробивая...  
Хорошо хоть иногда  
Жизнь случается живая.

*3 июля 2009*

Нет надежды, нет тревоги, нет печали,  
Птицы, в небе пролетая, прокричали.

Прокричали, улетели и забыли,  
Продолжая мерить версты или мили,

Незаметно, постепенно, бесконечно  
Жизнь становится во мне бесчеловечна.

*27 октября 2008*

И что такое этот сброд,  
И что такое — знать,  
И что за зверь такой — народ,  
Хотел бы я узнать.

Границы делят и паи,  
Кормушек строй и рост.  
А дальше бедные мои  
Ложатся на погост.

Направо кости королей,  
Налево прочим тлеть,  
На свете нет других ролей,  
Как жить и умереть.

Чего же я, дурак, дрожу  
Пред страхом жизни впрок?  
Люблю, надеюсь и служу,  
Пока не вышел срок.

Жалею гаснувший восток,  
Жалею нищий юг.  
И бьет меня слепой восторг  
От пары грешных рук.

*3 сентября 2016*

Ты вернулся — дома нет,  
Головешки, остов пряжки,  
И лежит плашмя валет  
В пальцах куклы — неваляшки.

Остов печи, старый зонт,  
Да свечевые огарки,  
Обмелел Эвксинский Понт,  
Домотали пряжу Парки.

Здесь был рай и рая нет,  
Здесь был сон красив и чуток,  
Ночь была и был рассвет,  
Вопреки уставу суток.

Только там, где шли века,  
Только жести звук сторожкий,  
Только лист из дневника  
С неживой сороконожкой.

*28 мая 2017*

Рад, что веришь между делом,  
В то, чего на свете нет,  
И выводешь рыхлым мелом  
Мой остаток здешних лет,

Раздробя его на части,  
Не ведешь деталям счет.  
На доске червонной масти,  
Превращая нечет в чет.

Ты трудна и бесконечна,  
И расчетливо темна.  
В жаркой схватке быстротечна  
Недосмотренного сна.

Акт рассудка неминуем,  
Срок вины неуловим.  
Между жадным поцелуем  
И неведением моим.

Руки плавают по коже,  
Гаснут Бронные огни.  
Боже мой, как не похожи  
Сны на прожитые дни.

*1 мая 2013*

Так бережно, как вы меня любили,  
Так ласково, как вы смотрели вслед,  
Смотрю на вас и спрашиваю — были  
Те наши дни? Мне отвечают — нет.

Был просто час, когда душа светила  
Всем, кто глаза навстречу подымал.  
Я говорю: — Ведь ты меня любила?  
— Нет, не тебя, а ты не понимал.

— Был просто час, была одна минута...  
Так к солнцу степь выходит по весне.  
Так все равно принадлежать кому-то...  
— Раз все равно — принадлежите мне.

— Ты не поймешь, кому была удача  
И с кем ты был, возникший из тепла,  
Из нежности и утреннего плача...  
— Я был с тобой.  
— А я — одна была.

*22 мая 1977*

Дую в медную трубу,  
Что растоптана и сжата.  
Мерин с кошкой на дубу  
Ест развалины салата,

И бормочет как на грех,  
Не о том, что место пусто,  
Там, где было время «вех»,  
Стало капищем Прокруста.

Лишни ноги, голова  
Так же выперла наружу.  
Что нам праздная молва,  
Если солнце село в лужу.

Вертит хвост туда-сюда  
Целым миром, так некстати.  
Моря черного вода  
Ходит валом по кровати.

Что же я меж них вишу,  
Что же мне светло и сухо,  
Проведя давно между  
Промеж памяти и духа.

То качаясь, то едва  
Волоча в воздушных телах.  
Видно истина права,  
Что от мира улетела.

*7 мая 2017*

Что ж так часто тревожит тревога,  
Сумрак сна исковеркан и сжат.  
Три версты до дежурного Бога  
Предо мной осиянно лежат.

За плечом уже марево сада,  
За другим — непонятная дрожь,  
И калитка из прежнего ада,  
Где шумела железная рожь,

И еще несказанно и дико,  
Немотой три версты заслоня,  
Показались три сумрачных лика  
И растаяли возле меня.

То ли жаром окутало тело,  
То ли ветер поднял и понес,  
Только все во мне билось и пело  
И летело стремглав под откос.

Наступало, лепило, витало,  
Открывало, жалело, влекло.  
Лишь потом о колено сломало  
Прежде душу и следом крыло.

*8 августа 2017*

Тревожное — где-то, когда-то,  
Спокойное — в общем — за что?  
Что выпито, пусто и свято —  
Эпоха, война, шапито.

Наружу две медные фиги,  
Внутри незадача углом,  
И тлеют сгоревшие книги  
Едва согревая теплом.

А тучи беременны снегом,  
А ветры полны красоты,  
Мы заняты медленным бегом  
Со светом посмертным на «ты».

Вот дудка, вот цокает «полька»,  
Легко по брусчатке звеня.  
А, впрочем, не жалко нисколько,  
Что больше не будет меня.

Напротив ограды — калитка,  
Где мы повторим вразнобой  
Две строчки размытого свитка  
О жизни не ставшей судьбой.

*19 мая 2021*

Столько раз прощенье явлено,  
Сколько прощено в тиши.  
Жизнь, наверное, оставлена  
Во спасение души.

И сюда, к стене намоленной,  
В свой черед приведена  
Вот такую обезволенной,  
Как и быть она должна.

Так молись, невольно веруя,  
Душу вылечить дабы...  
Все, последние и первые, —  
Бога сущего рабы.

*14 июля 2007*

Снег, туман, зима, метели,  
На окне герани куст.  
Неужели в самом деле  
Сущный мир до донца пуст.

Зло, добро, успех, утрата,  
Власть, удача, нищета,  
Брат войной идет на брата.  
Равны — слава и тщета.

Разве что любви ласка  
Каплей светятся на дне.  
Да удачная побаска,  
Не сгоревшая в огне:

Веры, времени, потопа.  
Праха, истины, стыда...  
Крест, развалины, Европа.  
Время Божьего суда.

*25 января 2008*  
*ночь*

Сыть уснула, тень уснула,  
Сон в дремоту погружен.  
Спой мне песню, Мариула,  
Разбуди мой нежный сон.

Вижу, как мерцает слово  
Сквозь хрустальное окно.  
Спой мне эту песню снова,  
Ту что ветер пел давно.

О развеянной печали  
По не скошенным полям,  
Где тебя со мной венчали,  
Жизнь со смертью пополам.

Чтоб легко кружили звуки  
Над моею головой,  
Спой мне песню о разлуке  
И о встрече новой спой.

Я услышу сквозь ресницы,  
Как твоя скользит слеза.  
Как летят негромко птицы,  
Мне в закрытые глаза.

*19 ноября 2016  
ночь*

Ты не с Богом, да Бог с тобой,  
Так и крутимся целый век,  
Пополам с бедой, пополам с судьбой,  
Если ты не зверь, человек.

Посажу герань и рябины куст,  
Подолью в стекло чуть вина,  
Справа твой Завет, слева скучный Пруст,  
Позади пожар, впереди война.

Поживем еще, по глотку печаль  
Не допьем, мой друг, до сухого дна.  
Я тебе скажу, мне не жизни жаль,  
А того мне жаль, что она одна.

Вечер свеж и ал, впереди закат,  
Белой птицы свист за окошком тих,  
Да в душе слышней этот звук стократ,  
Если б он звучал не для нас двоих.

*5 мая 2021*

Больше ясности, меньше хлама,  
Чуть печальней, но впроворот  
Полюбила пейзажка Хама,  
А за ней отставной народ.

Я сижу на курульном кресле,  
Я черчу на листе круги.  
Я бы верно поднялся, если  
Не толпились вокруг враги.

Вот одни в шерстяной накидке  
С не горящей уже свечой,  
Тянут жадно свои напитки  
Рыбий жир пополам с мочой.

Или та в размахе красном,  
Душу страстью крутой дробя,  
Смотрит глазом своим прекрасным  
И не видит в упор тебя.

Что случилось, что я не в силах  
Встать и выйти из круга вон,  
Что мне это родство унылых  
В ястребином пере ворон.

Или я среди них уместен,  
И подобных стада окрест.  
Пал. Отжался. Конец известен,  
Черви. Глина. И сверху крест.

*15 февраля 2017*

Катится время, тяжелым катком  
Судьбы корежа, дома, терема.  
Я с этим миром давно не знаком,  
Он для меня теорема Ферма.

Чья это воля, и чья это власть,  
Чье это действие навывлет, насквозь,  
Мне в эту реку не выпало впасть,  
Я с этим миром нечаянно врозь.

Еду ли, плачу ли, пряжу пряду,  
Клею ли жизни разбитый сосуд,  
Я никогда никуда не дойду,  
Где бы царил справедливости суд.

Мир ограничен движением рук,  
И поворотом моей головы.  
Сквозь эту сталь не протиснется звук,  
Расчеловеченной веком молвы.

Радости всей — различимая тень  
Солнца живущего там за стеной.  
Да не оборванный выстрелом день,  
Да еще ты невзначай за спиной.

*14 мая 2013*

Лезут в уши чужие, безбожные, мертвые звуки,  
Уведи меня прочь в бесконечные, Боже, разлуки,  
Уведи меня прочь, занавесь мне неведеньем очи  
И оставь мне пустынными дни и короткие ночи.

Я Тебя не прошу, я Тебя умоляю — не надо  
Обрывать всю листву из отцветшего тесного сада,  
Я Тебя заклинаю, оставь мне вселенские стоны,  
Этот свет, исходящий толчками из темной иконы.

Я Тебя не прошу ни о самом обыденном чуде,  
Ни о выходе в мир, где не вымерли близкие люди,  
Где идеи еще копошатся пугливо за дверью,  
Где есть место забытому каменным веком поверью,

Я стою на коленях, и лоб мой касается пола,  
Правя тризну немую живаго намедни глагола.

*17 июля 2008*

Угадай, не угадаешь.  
Понимая, не поймешь,  
Где нашел, там потеряешь,  
Как ты сущности не множь.

На столе стоит посуда  
В ней багровое вино.  
Я вернулся, а откуда  
Ведать грешным не дано.

Справа молится Иуда,  
Слева делят города,  
Мне хватило бы полчуда  
Видеть это никогда.

Ни урода с желтой пряжкой,  
Ни лакея в зипуне,  
С незатейливой дворняжкой  
На засаленном ремне.

В чем мы, Боже, виноваты,  
Понимая не поймешь.  
Сон, пустырь, ума палаты,  
Тайной жизни страх и дрожь.

*8 мая 2013*

Жизнь моя разминулась со мною,  
Незаметно прошла стороной,  
Поначалу — минувшей войною,  
А в финале — грядущей войной.

И светила себе в пол накала.  
И не мучалась праздно виной.  
И, возможно, с другим куковала  
Под какой-нибудь дохлой луной.

Не стучала в закрытые двери.  
Не искала обратно пути.  
Видно, каждому было по вере  
Свою вечность покорно пройти.

Я один в надвечернем уюте  
С несудьбою дышу в унисон.  
В каждой будничной в меру минуте.  
В каждом вздохе, похожем на сон.

*21 августа 2004*

Зазывает зазывала, — поживи еще немного,  
Поцеди в таверне пиво или лучше в кабаке,  
В этой жизни невеликой от порога и до Бога,  
Или лучше до тумана, что сереет вдалеке.

Я, конечно, не отвечу, самому пожить охота,  
Посмотреть луне в гляделки сквозь волнистое пятно,  
У меня еще не слезла с праздной мысли позолота,  
У меня еще в стакане не отсвечивает дно.

Вот я рою жадно яму для мыслительного древа,  
Вот веду по трубам воду к невысокому стволу,  
Помогает в этом деле мне мерцающая дева,  
А потом со мной садится к оловянному столу.

Как свежи и красны розы вдоль заката у калитки,  
Как разумен птичий гомон у открытого окна.  
И ползет со мной попутно жизнь со скоростью улитки,  
Только Богу издалека неотчетливо видна.

*26 апреля 2013*

Я меняю бЫка на яндЫка  
И плыву на лодке, не спеша.  
Жизнь давно сложна и многолика,  
Менее, конечно, чем душа.

Парус подниму себе, однако.  
Под арабский ветер попаду.  
Я живу на острове Итака.  
С розовым брабантским какаду.

Мне милы убогие напевы.  
Хлопот крыльев около плеча.  
Разглядеть улыбку королевы  
Помогает тусклая свеча.

В мир мы заглянули не напрасно,  
Времени чужому не служа,  
Где закат воздушно и прекрасно  
Капает возвышенно с ножа.

Звук валторны вызывает трепет,  
Белый парус кружится вдали.  
Может, Бог меня еще и слепит  
В эту жизнь из глины и земли.

*18 сентября 2011*

Помоги мне, Господи, избежать судьбы  
Стражника, начальника, бойкого слуги.  
Пусть поодаль плещутся рыбы и рабы,  
Помоги мне, Господи, слышишь, помоги.

А не слышишь, Господи, тоже не беда,  
Пусть, с кем Ты беседовал, помолчит со мной.  
На губах соленая лебеда — вода,  
Да бормочет шепотом вразнобой прибор.

Я бреду по берегу пожилой земли,  
След смывает медленно теплая волна.  
На волне качаются в море корабли,  
И вдали, и около не моя страна.

Пальмы опахалами навевают сон,  
Что еще успеется до исхода дня.  
Закрывает облако синий небосклон,  
Господи, неслышимый, не оставь меня.

*25 сентября 2009*

Мои барабаны негромки,  
Свирели мои в пол гудка.  
Мне ближе чем люди потомки,  
Которые суть облака.

Летят и клубятся, и плачут,  
То алым, то черным струясь.  
И то беззаветное значат,  
Которым венчается связь.

Где губы, что стыли и пели,  
Где руки, что жарче огня,  
Где та, что в холодном апреле  
Любила желанна меня?

Настроено небо на вечность,  
Настроено тело на дрожь,  
Опять эта подлая млечность,  
Опять это ржавая рожь.

Я выну из сердца занозу,  
Что больно мешает уму.  
Губами железную розу  
Кровавая свой рот обойму.

*9 мая 2019*

Никто не вернулся назад.  
Никто не воскрес из ушедших.  
Хотя не таинственен ад  
Для тронутых и сумасшедших.

И, розы сажая в раю,  
Не знают ушедшие ране,  
Как мы в невеселом краю  
Бредем, спотыкаясь в тумане.

Любя, ненавидя, скорбя,  
Растерянно и одиноко,  
На мелочи жизни дробя  
До самого крайнего срока.

А музыка плачет вокруг  
До визга, до крика, до стона...  
О, если б не лебеди вдруг  
Да утки, летящие с Дона.

*6 июля 2008*

Опять преображенец за стеной  
Кремлевской, каменной, крамольной.  
И пахнет дымом и войной  
Под звон кандалный или колокольный.

И грянет швед очередной,  
Опять Полтава и Цусима,  
Как пахнет дымом и войной  
Невыносимо.

И страх по воздуху разлит,  
И брошенный ребенок плачет,  
И вдохновенный прозелит  
По вздрогнувшей брусчатке скачет.

Что проку в возгласе моем,  
Неслышимом в грядущем громе.  
Дым застилает окоем,  
И запах гари проступает в доме.

*29 декабря 2007*

Сны содержательнее яви  
И независимей стократ,  
И властвовать никто не в праве  
Над тайной жизнью наугад.

Вот я бегу или летаю,  
Над странным городом паря,  
Где органично равен маю  
Пейзаж любого января.

И женщина, что только снится,  
Живет со мной который век,  
И как длинны ее ресницы  
Вдоль сомкнутых смущеньем век.

На крыльях — свет, в руке — гвоздика,  
В другой — весы наперевес.  
Она родна и многолика,  
С улыбкой тайной или без.

Ни признака среды и власти,  
Следа, и воли, и стыда,  
Больной, мирской, насадной страсти,  
Свободы гибельной следа.

*11 февраля 2009*

Опускается вечер неспешно,  
Гаснет солнце вдали за рекой,  
Отчего же душа неутешна,  
Отчего же тревожен покой?

Недоступное птичье наречье,  
Бережит мой расстроенный дух,  
Что-то в гомоне том человечье  
Различает разбуженный слух.

Вьется хмель посреди палисада,  
Пахнет липой цветущей в саду,  
И мерцает сквозь ветви Эллада,  
В неземном и печальном бреду.

Тронул ветер нечаянно струны  
Разбудив невзначай тишину.  
Да, конечно, мы вечные гунны,  
У рабов наших вечных в плену.

*17 апреля 2014*

Шестнадцать ступеней, и ночь на дворе,  
Четырнадцать весен, и утро настало,  
Воистину тот, кто не умер — умре  
Однажды от жажды в краю краснотала.

Зачем-то зима пробежала знобя,  
Зачем-то луна занавесила око,  
Мне было с тобой, как всегда, без тебя,  
Летально, свободно и не одиноко.

Наверное, вера имеет предел,  
Граница проходит меж волей и роком.  
Осталось немного не сделанных дел,  
Доверенных смертным — пророком.

Коня напоить неживою водой,  
Колени поставить на землю сырую,  
Да спрятать светило за горной грядой,  
В безбожную полночь глухую.

И выпить всю ночь до холодного дна,  
И выдышать душу до призрачной сути,  
До самого края нездешнего сна,  
Дарованных вещей минуте.

*5 мая 2016*

В зазеркалье слов и мысли  
Жизнь прошла в каком-то смысле.  
Дышит кровь в набухшей вене —  
Это слов больные тени

Рвутся вон на свет из тьмы,  
Где когда-то жили мы.  
В царстве жеста, в царстве вздоха,  
Где без нас прошла эпоха.

В царстве грез и междометий  
Сразу несколько столетий.  
И проспали б звездный час,  
Где мог Бог заметить нас,

Не случись такой печали,  
Пусть в конце, а не в начале —  
Полоснуло время вены —  
Кровь и судеб перемены —

Тени слов в иной поре  
Растворились в словаре.

*23 апреля 2021*

Благодарю за Божий дар —  
Дышать и видеть свет,  
За то, что я уже не стар,  
Что смерти в мире нет.

Благодарю за твой словарь,  
Вселенский человек,  
За твой глагол, за твой букварь,  
За то, что длится век.

Благодарю за ток слезы,  
За птичий легкий свист,  
За все омеги и азы  
И за весенний лист.

Благодарю за шелест дней  
По колее времен,  
За то, что жизнь еще родней,  
За то, что здешен сон.

За щедрость быта бытия,  
Что в помысле горю,  
Еще из древней веры я  
За жизнь благодарю.

*18 сентября 2007*

Жизнь одна прошла убого,  
Жизнь другая на дворе.  
Что-то стало меньше Бога  
В наступающей поре.

Изживается аскеза,  
Незатейливо греша.  
Из обычного пореза  
Праздно вытекла душа.

Бойко бедная эпоха  
От свобод изнемогла,  
И венчает скомороха  
Вновь на царские дела.

Ничего себе забава  
В царстве выцветших идей...  
Равно слева или справа  
Звери в образе людей.

*9 октября 2008*

Я живу в присутствии огня,  
То свечи, то медного камина,  
То войны сегодняшнего дня,  
Где сгорает мира половина.

Снова и лазурь, и синева  
Шум дорог и музыка природы,  
Что же так кружится голова  
В вальсе наступившей несвободы.

Одевают в форму, не спросив,  
В руки — сталь, и далее по датам,  
И забудет будущий курсив,  
Как живется, можется солдатам.

Впереди, конечно, новый свет,  
Он мелькает в сполохе и дыме.  
Только счастья не было и нет.  
Ни в Твери, ни Риме, ни Нарыме.

Век прошел, второй себе идет,  
Жаром обжигая из тумана.  
Весело читает идиот  
Пушкина с горящего экрана.

*30 октября 2009*

Устав от праздного труда,  
От царства страха и неволи,  
Дурак отправился туда,  
Где нет забот земной юдоли.

Внизу оставив облака,  
На горы лез, срываясь с кручи,  
И узнавали дурака  
В лицо нахмуренные тучи.

Он шел и жил, вотще стремясь  
Сквозь сЕлы, версты и недели.  
И исчезала с миром связь,  
Что держит жизнь на самом деле.

И наконец финал дорог,  
Граница государства рая.  
Усталый странник изнемог  
И задремал изнемогая.

И жалок был бродяги вид,  
И жалок был образчик входа —  
Земной расколотый гранит,  
И скудная вокруг природа.

И стражники, намяв бока  
И оголив худое тело,  
Подняв, швырнули дурака  
Туда, где плакало и пело.

Где вяз качался и скрипел,  
Где всадник мчался по равнине,  
И коростель коряво пел  
В мирской и сумрачной пустыне,

Где шла привычная война,  
Дымилось углое жилище,  
Плыла ущербная луна,  
Лия свой свет на пепелище.

*2 января 2009*

к N

На клавиши упал случайный свет,  
И звук луны распался не спеша,  
И вдруг зацвел проснувшись бересклет,  
Как будто у него была душа.

И воздух стыл, и ветер трепетал,  
И сон играл в прозрачную игру,  
И был живым и призрачным металл,  
Не вслух звеня негромко на ветру.

А нам любовь склоняла грешный слог  
По падежам восторга и вины,  
Пока к утру не досмотрел восток  
Свои давно бессмысленные сны.

И падал дождь, смывая ночи тень  
С летящих птиц, деревьев и лица.  
И наступал непоправимо день,  
Где было все разумно без конца.

*ночь с 30 апреля на 1 мая 2020*

И вот остались мы вдвоем  
Лишь Я и я.  
Напротив чаши бытия  
Из чаши смерти пьем.

На дне мерцают два лица  
Различны в бездну лет.  
Но выдан лишь один билет  
Кому-то в два конца.

Смиреньем полнится одно,  
Другое — медь и страсть.  
Кому из них какая масть,  
Узнать нам не дано.

Мы пили обе пополам,  
И первая горька.  
А под второй дрожит рука,  
Несущая к губам.

*12 октября 2016*

Усталость не мешает быть живым  
И вера не мешает быть беспечным,  
Я был неколебимо молодым,  
И все равно — невечным.

Я здешний день лелеял и берег,  
Меня вела изменчивая лира,  
Но каждый раз, ступая за порог,  
Я убеждался в постоянстве мира.

В нем стерта память слова и лица,  
В нем правят бал распутники и шлюхи,  
И называют именем творца  
Строителя Содома и разрухи.

Европа дотлевет не спеша,  
И Азии гниение просторно,  
И к горизонту движется душа,  
И это все сие нерукотворно,

Воруют корм с тарелки воробьи.  
Синеет море, исходя волнами.  
Бокал разбит, и капает аи  
На мрамор между нами.

*25 апреля 2009*

Время общей любви истекло,  
Время личной любви не настало.  
В первой суть и основа — стекло,  
А вторая, увы, из металла.

Груда мусора где-то в углу.  
То ли годы, а может, и сроки,  
Я бы вытек беззвучно во мглу,  
Без особой и внешней мороки.

Я бы вылетел дымом в трубу,  
Я бы вышел из вашего века,  
Но кому я оставлю судьбу  
В бедном образе человека.

Но кому я оставлю слова,  
Что достались мне трудно в наследство.  
Этой печки вселенской дрова,  
Что дымят до распада от детства.

*7 декабря 2004*

Я — изгнанник, сошедший с ума,  
Из Флоренции изгнанный праздной,  
Этой речью, живой и бессвязной,  
Обхожу стороной письмамена.

Прямо в черты и резы навзрыд  
Безнадежности зримые меты,  
Чтобы помнили даже предметы  
Суть изгнанника — медленный быт.

Я смотрю, обернувшись назад,  
На знакомые хари и лица,  
Я запомню твой образ, столица,  
И прощальный бесформенный взгляд.

Пыль суха, горяча и мягка,  
Впереди ни Ровенны, ни Вены.  
Только встречи да перемены  
Да колпак до бровей дурака.  
Я уже никуда не приду,  
Я уже никогда не устану,  
Забинтуй мне, пожалуйста, рану  
В одна тысяча смутном году.

*12 февраля 2005 г.*

Слова бежали врассыпную,  
Теряя смыслы на ходу  
Ощую, больше одесную,  
В своем провидческом бреду.

И проповедник вместо веры  
Три цифры громоздил в анфас,  
И принимали в пионэры  
Уродов рой в последний раз,

Они летали невысоко,  
Познав по прихоти свинца  
И срок назначенного срока,  
И технологию конца.

*27 апреля 2012*

Отмерзают остылые люди,  
Мезозой начинает дышать,  
Голова улыбнулась на блюде —  
Вот такая опять благодать.

Серый сумрак развешан по стенам,  
Чуть заметна полоска огня.  
Там, где тело бежало по венам,  
Нету больше на свете меня.

А на коже — подтеки сиропа.  
А на шее — затекший рубец.  
То, что выжил ты после потопа,  
В самом деле, большой молодец.

Видишь, люди мелькают повсюду.  
Слышишь музыку в форме рулад.  
Как же нежно привязан ты к блюду,  
Погруженный по шею в салат.

*7 июля 2004*

Я слеп в чужой земле, я глух в чужой стране.  
Слова мои мертвы и речь моя нема,  
А что с моей страной, вопросы не ко мне,  
Она в который раз опять сошла с ума.

Смешалось в кучу то, что грезило войной,  
Что было меж собой веками на ножах,  
И красно-белый стяг развеян надо мной,  
И красно-белый дым на четырех ветрах.

Сижу в своем углу, свищу себе в свирель,  
Немому не слова, а музыка нужна.  
А на дворе весна, и медленный апрель,  
И хочется еще хоть толику рожна.

И вечер так хорош, что хочется не знать  
О игрищах толпы, о скопище забот,  
И лезет на незнать разбуженная знать.  
А может быть, опять совсем наоборот.

Закат по кромке гор, как кровь по острию,  
Охотничье ружье стреляет беглых птиц,  
Как хорошо, что нем, и время не мое,  
И нет меня давно среди безумных лиц.

*22 февраля 2012*

Что-то ворон раскричался над заставой,  
Что-то ветер надрывается в лесу.  
Неужели в этом мире, Боже правый,  
Службу вымысла напрасно я несу?

И напрасно между этими и теми,  
Что в засаде и, конечно, начеку,  
Я мишенью обозначенное темя  
И судьбу свою под выстрелы влеку.

Записаться бы, наверное, в солдаты  
И сражаться бы на правой стороне.  
Только в чем они, другие, виноваты  
В этой вечной и бессмысленной войне?

Что тут скажешь про заботы и печали,  
И напасти наступающие встречь.  
Да и слово различат они едва ли  
В гуле брани заменившей нашу речь.

*12 сентября 2008*

Соловей поет беспечно.  
Как и в оны времена.  
Хорошо, что все не вечно,  
Даже вечность не вечна.

Умер дрозд, соседа нету,  
Лето движется к зиме,  
И сползает тихо в Лету  
Плот Венеции во тьме.

На столе пуста бутылка,  
Под столом — уснувший пес.  
Только пьяный сторож пылко  
Задаёт смешной вопрос.

Что нас ждёт на дне потопа?..  
С видом смутным на луну  
Темнокожая Европа,  
Как и Рим, идет ко дну.

Все империи зачахли.  
Там, где храмы — дым и чад.  
Да еще кривые сакли  
Тоже временно торчат.

*22 апреля 2008*

Как хорошо, что все кончается,  
И то, что сделал — пустяки,  
И не успел еще отчаяться  
Всей бранной жизни вопреки.

Хожу — бегом, летаю — бегая,  
В румянце — олово ланит.  
И музыка — скотина пегая —  
Покорно рядом семенит.

И горла гульбище луженое,  
По край в толпе внебрачных слов,  
Гудит весной замороженное,  
Чей зов не вечен и не нов.

*12 апреля 2018*

*Даше Воронцовой*

Свет в распахнутом оконце,  
Дождь стучит легко по крыше.  
Обитает нынче солнце  
Где-то много неба выше.

Ты, наверное, в Париже  
Пролила на скатерть кофе.  
Солнца нет и неба ниже  
На застроенной Голгофе.

Человеческие страсти  
Остывают понемногу.  
Я сегодня в чудной власти  
Помолюсь спокойно Богу.

И в молитве безымянной  
Я избегну середины  
Этой жизни многогранной,  
Где добро и зло едины.

*20 апреля 2004*

Этот мир невесом и нелеп,  
Открывается бранным ключом,  
И живая неволя судеб  
У него мельтешит за плечом.

Но уже никому не дано  
Пировать на вселенском пиру,  
Этот замок разрушен давно,  
Только хлопает дверь на ветру.

На лугу, на юру, на волне  
Дух пустынный и сеет, и жнет.  
А ключи потерялись вовне,  
Где никто отродясь не живет.

Выйду в рваную дальнюю даль  
Посреди забубенной страны,  
Где мерцает дамасская сталь  
Ниже солнца и выше луны,

Что погаснет, мертва и слепа,  
И исчезнет в безликой глуши.  
И покроется кровью — тропа —  
Из сосуда разбитой души.

*24 февраля 2009*

Труден день и долог вечер,  
Столько зим и столько лет.  
Отправляет в путь диспетчер,  
Мой вагон на ЭТОТ свет.

Что у ВАС, как прежде драки,  
Мелких денег шум и гам,  
Госпитальные бараки  
По кисельным берегам?

Верховенство, верхоглядство,  
Егеря и короли.  
Тоже бедственное бля\$ство  
Посреди больной земли?

Снова делят свист и ветер,  
Снова платят — что почем —  
Снова скачет черный сеттер  
У придурка за плечом?

Не за тем ли псом — в раздачу,  
Так манило и влекло?  
Потому смеюсь и плачу  
Сквозь вагонное стекло.

*18 августа 2016*

Вина не велика, полмузыки остыли,  
И пара темных слов витают мысли вдоль.  
Я сам себе судья, в чужом пространстве — «или» —  
Еще влачу шутя затейливую роль.

Я Вам хотел сказать, но видно не сказалось,  
А так себе стряслось и больше ничего.  
Моя тугая жизнь ничтожнейшая малость,  
Такое де-грие безумного Прево.

А век уже убог, и страсти обмелели.  
И тлеет день за днем корявая судьба.  
И мечется мой дух в еще не робком теле,  
И глаз еще слезит посередине лба.

Я вижу Вас насквозь до дна слепого рода,  
И каюсь, что зашел не в гости, а в завет.  
Конечно это бред, но такова природа  
Быть верным и живым и после здешних лет.

Качается ваш трон от северного ветра,  
Качается мой свет в пространстве темноты.  
И длится без конца спасительное ретро,  
Под полусон любви и шепот немоты.

*11 апреля 2014*

Спит народ, бунтует небо,  
Грозы гулкие вия.  
По закону ширпотреба  
Поживу чуток и я.

Дом сложу, построю дачу,  
Заведу себе вай фай,  
Мозг свой праздный одурачу  
И покину отчий край.

Поживу, где бой и свара,  
Где гранатен бурный быт,  
Где под сенью самовара  
Буду медленно убит.

Поживу и полетаю,  
Перейдя в иной простор.  
И вольюсь как птица в стаю  
Над изломом вечных гор.

*15 апреля 2008*

Имея — не иметь, а потеряв — обрести,  
Не двигаясь — лететь, меняясь — быть собой,  
На самом деле мы осуществляем месть  
Всему, что нам несет слияние с судьбой.

На самом деле мы поток тревожных снов  
Преображаем в тех, кому мы не нужны,  
На самом деле мы, не разбирая слов,  
Навзрыд и невпопад к небывшему нежны.

Спадает пелена с идущих наугад,  
Торопится рассвет в пространство изнеможь.  
Смотри, как недвижим мгновенье водопад  
И как светлее дня единственная ночь,

Как болен юный клен, растущий под окном,  
Как болен старый дуб, листвою трепеща,  
И как минувший век, великий эконом,  
Бежит за нашим днем без крыльев и плаща

*12 августа 2001*

Как мозг неискушен в простых словах,  
 Заветный смысл утрачен и забыт.  
 И там, где было неземное — страх,  
 Сегодня тлеет будничное — быт.

Как много может лезвие ножа,  
 Кроящее устава полотно,  
 И посему, в беспамятстве дрожа,  
 Я вижу прошлого мерцающее дно —

Вот близкий век и, ранее, другой,  
 Вот Петербург, что «пусту должно быть».  
 Мосты стоят, и, выгнуты дугой,  
 Все те же кони сдерживают прыть.

Но пуст Сенат и пуст который год,  
 Лишь черствый экспонат тускнеет по углам.  
 Дворянской чести штатный недород  
 С дворянской спесью мертвой пополам.

Кружит народ без воли и лица,  
 Под дружный гул заветного — долой.  
 И кровь царя течет из-под венца,  
 Когда он возвращается домой.

И различимо далее едва,  
 Как между братьев трудятся мечи,  
 Как цепенеет по ночам Москва  
 От пламени копеечной свечи.

*Ночь  
 27 сентября 2007*

Божий дом — убежище живых,  
У иных — ни ладана, ни храма.  
Скучный культ радений ножевых,  
Под копьём очередного хама.

Вот они у бездны на краю,  
Вот они во всполохе и дыме.  
Делят власть недолгую свою  
В Нью-Рязани или Новом Риме.

За стеной пожары и пальба,  
Жар приближен к выдоху и коже.  
Пожалей, мой Боже, твоего раба,  
И живых, и мертвых не остави тоже.

*20 апреля 2021*

Начинается время обратное,  
Превращается золото в медь.  
Словно солнце взошло предзакатное  
И уже не опустится впредь.

Словно жизнь еще дышит и молится,  
Еще плачет, и ждет, и болит.  
Словно мчит еще с цокотом конница  
По ристалищу мраморных плит.

Бьется сердце до гула кромешного,  
Словно в гриву коня вплетено,  
И за что меня, злого и грешного,  
Не оставило нынче оно.

Еще пестует, кружит и мыкает  
По простору.... Была не была,  
Кто над нами, смеется и гикает,  
Натянув, как струну, удила.

*28 сентября 2012*

Миска каши да чашка чаю,  
Лодка красная на берегу.  
Я скучаю по тебе, я скучаю,  
Наскучаться никак не могу.

Вот влетела в окошко птица  
И не вылетит вон никак.  
Столько лет мне нездешне спится  
Среди желтых в клетку бумаг.

Разбежались по весям соседи,  
Деревенский мой дом поник.  
Мы по паспорту все медведи,  
Ну а люди — мельком, на миг.

Я тебя в свою шерсть зарюю,  
Твои руки, плечи и грудь.  
И упрячу в слова, как Трою,  
Чтоб отрыли когда-нибудь.

*3 апреля 2004*

Какое мне дело до вашего века,  
До бранных идей и червонных забот.  
Играет на дудке молитву калека,  
Стирая со лба выступающий пот.

И вторят игре инвалиды во фраке,  
И дождь барабанит, и плачет дитя,  
А звезды сияют привычно во мраке,  
Оркестру уродов исправно светя.

И мне среди них уготовано место  
В последнем ряду, у гитарной струны.  
В составе большого чудного оркестра,  
Среди уцелевшей случайно страны.

Я в такт и усердно бренчу понемногу  
В немые строки, что отпущены мне.  
И звуки лицом запрокинуты к Богу,  
Пол яви — в бреду и пол яви — во сне.

*23 мая 2009*

Куда судьба, качаясь, заведет  
И где воткнется в бронзовую стену,  
И чем закончит действие идиот,  
Вонзая шприц в измученную вену.

Мой римский дом и тесен, и убог,  
Трава асфальт на трещины разъяла.  
Не входит в паз заржавленный замок.  
И коротко в прохладу одеяло.

До дна не допит остывает грог.  
Еще дымит погасшая лампада.  
Но ум от божьей казни изнемог,  
Освобождая душу от распада.

*5 апреля 2009*

Переполнив слов копилку,  
Расширяю кругозор,  
И втыкаю плавно вилку  
В свой горящий полувзор.

Нет печальнее картины  
Видеть ТОТ — как этот — свет,  
Через призму паутины  
Ничего снаружи нет.

Есть наверно страх и смута,  
Есть, быть может, суета.  
Даже видима кому-то  
В мир, как в чашу, налита.

Ну а мне, избыток боли  
Налит жизнью через край.  
Все октавы, да бемоли,  
Что услышал — то играй.

Подпоет быть может время  
Неподсудное векам.  
Или просто сучье племя  
С бубенцами по бокам.

*5 апреля 2017*

Ничто не вечно под луной,  
Опять опричнины стезя,  
И супит брови вечный Ной  
Поклажу вечную везя

На испещренный древний берег,  
Холстину, доски, такелаж,  
Опять под парусом ковчег,  
Вот только жалко, что не наш.

Кружится чайка голося,  
В своей печали вековой.  
И жизнь иссеченная вся,  
Все тщится помахать рукой.

*6 апреля 2016*

Уплывает эпоха в сплошные туманы,  
Закрывается время чадрой от безмолвного люда.  
В черно — белые гаснут цветные экраны,  
И уже неразборчива лиц невеселая груда.

От войны меж собой перешли постепенно  
Мы к сражениям странным с природой и Богом.  
Все, что длилось века на земле неизменно,  
Растворится в промысле нашем убогом.

Отменяются походя веры святые заветы,  
Отмирает судьба предназначенных славе и чести,  
И ошибкой становятся верные прежде ответы,  
Что творили народы с безумцами вместе.

Что мне делать, скажи, в этом сломанном мире,  
И за что наступает такая лихая расплата.  
Даже порваны струны на — Богом подаренной — лире,  
Даже пальцев и звука исчерпана связь и разъята.

*1 апреля 2020*

Глухота не порок. Метафизика спит.  
На стене от ружья искаженные тени,  
И у каждой детали изменчивый вид,  
Словно это лекарство от смерти и лени.

Что мне делать, скажи, с этим призраком дат,  
С невниманием воли и памятью тела,  
Я столетия спустя тот же жалкий солдат  
Не земного, увы, и ненужного дела.

И война впереди, и война позади,  
А в душе только смута и робкая трата  
Этой медной печали в чугунной груди  
Не убитого веком солдата

*10 сентября 2008*

Неуемная, не случайная,  
Бесконечная как мираж,  
Полумуза моя обручальная  
И легчайшая из поклаж.

Вот навстречу верхом из памяти  
Пробивается вещей зрак.  
Той не снежной, весенней замети,  
Что не вспомнить дано никак.

Я смиреннее римской окраины,  
Я покорней самой судьбы.  
Запишу себя в ваньки-каины,  
А потом и в твои рабы.

*4 апреля 2016*

Не прямая речь — доступна,  
А прямая речь — убита,  
Что сие вельми преступно  
Для трагического быта.

Вот и носим семь на восемь,  
То, что вызубрили в школе,  
Бога грешного не просим  
О спасении и воле.

Лишь о зрении и слухе.  
А еще о праве веры,  
Где насилия старухи  
Принимают в пионэры.

Подошли, спросили глухо,  
— Вы готовы, — да готовы.  
И неспешно влили в ухо  
Смысла древнего основы.

Ночь. Шекспир, средневековье.  
Чутко спит душа нагая.  
Дула глаз у изголовья  
Смотрит в душу не мигая.

*2 апреля 2022*

Есть исчерпанность сюжета —  
Жизнь и смерть, зима и лето.  
Войны, смерчи, наводнения,  
Жалкий приступ вдохновенья.

Власть, чума, успех и слава,  
Божий суд, мирское право.  
Что ж так сердце резво бьется  
У забытого колодца,

Возле жальника над речкой,  
У иконы с желтой свечкой,  
От слезы твоей любимой,  
Всё никем не заменимой?  
Только тронь — и отзовется,  
Все никак не разобьется.

*16 декабря 2008*

Что вы делите, бедные люди,  
Когда в мире кругом благодать.  
Лучше в Африке плыть на верблюде,  
Или в Шуе картошку копать.

Лучше совестью круг огранича,  
У камина играть в буриме.  
И на речке по имени Ича,  
Просыпаясь мечтать о соме.

И не жить в ожиданьи добычи,  
Три гроша на четыре деля.  
Сечь и зависть не лучший обычай,  
Кои любит земная земля.

Есть же кроха свободного неба,  
Или мелос любви без колец.  
И краюха съедобного хлеба,  
Есть же вера и сон, наконец.

*5 декабря 2007*

Эпоха утрат наступила,  
Дельфийский оракул молчит.  
И серо-зеленое рыло  
Из пазухи храма торчит.

Дорический стиль на исходе,  
Колонны расколоты вкось.  
И жизнь уступает природе,  
Которой ей быть довелось.

В развалинах длящейся драмы  
Грядет череда перемен.  
Но что христианские храмы  
Пред камнем акропольских стен.

*4 октября 2005*

В царстве лиры и копейки  
Жизнь проходит, как во сне.  
Все ремейки да ремейки  
В целом мире, как во мне.

Я слежу за этим телом,  
Наблюдаю, не спеша,  
Вот опять ненужным делом  
Занимается душа.

Плачет, верует, смеется,  
Ждет, надеется, живет.  
И тропой канатоходца  
Еле, падая, идет.

Спит, качаясь, ест устало,  
Замирая на ходу.  
Видно только жизни мало  
Было этой какаду.

Все топорщится, страдает,  
Кольца по небу виа.  
И над нею смерть витает,  
Слава Богу, не ея.

*29 марта 2008*

То, что я тебе не верю,  
Ничего, переживу.  
Не нужна обуза зверю  
И во сне, и наяву.

Снова храм в душе разрушен,  
На пожарище жнивье.  
Я, конечно, равнодушен.  
Не мое, что не мое.

Белый сад, немного грога.  
Белки. Сумрак за окном.  
Как мне мало доли Бога  
В светлом имени твоём.

Поживу, опять устану.  
Помолчу, передохну,  
Забинтую туго рану  
И в Венецию махну.

Ну а там — сюжет потопа.  
Капители и мосты.  
Та же вечная Европа,  
Гений дряхлой красоты.

*24 декабря 2005*

Опять недуг небытия,  
Опять жара и стынь,  
Опять остались ты и я  
В пустейшей из пустынь.

Опять метет в глаза песок,  
Опять гуляет вей,  
Опять закутан я в платок  
От сердца до бровей.

И вижу сон и слышу слух  
Неведомый досель.  
И я к нему уже не глух,  
Четырнадцать недель.

Он не назойлив, но болит,  
Не страждет, но зовет.  
Он то утешит, то спалит,  
То всунет в переплет.

Какая музыка дана  
Тому, чем я влеком.  
Я это выпил бы до дна,  
Да в горле ком.

*28 марта 2017*

Проступает из гама и шума  
Наступающий век перемен.  
Как он смотрит на небо угрюмо,  
Тяжело подымаясь с колен.

И Европа — под бременем Рима,  
И азийское смутное дно  
Поднимается неотвратимо,  
И иного уже не дано.

А земные невечные твари,  
Те, что с небом сегодня на ты,  
Делят землю на гибельном шаре  
В ослепленьи своей правоты.

*28 июня 2007*

Я в тайной мысли вовсе не безгрешен.  
Но так закрыт, что звуку не пройти.  
Пусты зимой строения скворешен,  
И птиц пусты свободные пути.

И только тот огонь неугасимый,  
Единственный, мерцающий едва,  
Божественный, больной, невыносимый,  
Я научился складывать в слова.

И объяснять, что в лоб необъяснимо,  
И забывать осознанную суть.  
Жить без людей и этой жизни мимо,  
Свободно, равнодушно, как-нибудь

.  
И узнавать в несбывшемся удачу,  
И находить в утраченном покое,  
Пока я для кого-то что-то значу  
В убогой жизни многовековой.

*6 января 2006*

В веселом градусе любви  
Есть острота полуудачи.  
Меня знобит от визави,  
Ее знобит в ответ тем паче.

Откуда же и «чих и жох»,  
Где чаще — «чет», и реже — «нечет»,  
К тому же на пол Царь-горох  
Туза червей усердно мечет.

Мы врозь друг другу не нужны,  
Неравных две и розных доли.  
Вот так и любишь полжены  
Помимо разума и воли.

Какая нежность бытия  
Нас болью жжет и верой лепит.  
Семья не только ты и я,  
А зов и лепет, зов и лепет.

*27 марта 2017*

Трудно не быть, не сметь и не ждать.  
А так вот просто умеренно тлеть,  
Смотреть, как летит по небу кровать,  
В которой не спит и твоя смерть.

Вот кто-то открыл на тебя глаза,  
И удивился, что ты еще есть.  
И кто-то изрек, не против, а за,  
Пришедшую с запада весть,

Где кипит в казанЕ мировая скорбь,  
Где булькает жижа и наших судеб.  
Слева Двина, а правее Обь  
В чаше вино и на блюде хлеб.

Так разломи пополам ломоть,  
Дай же глоток в горло вина.  
Благослови пищу, Господь.  
Нынче пожар, завтра война.

Локоть вдави ниже груди,  
Гомон времен слышать пора.  
Было намеренно — «все впереди».  
И без паузы — стало «вчера».

*2 августа 2011*

Мы были вместе до земли и воли,  
До этих дней, текущих никуда,  
В еще не обозначенном глаголе,  
Бесформенном, как воздух и вода.

Мы были вместе, догорев до края  
И улетев в неведомо ничто,  
Где призрак виден сумрачного рая,  
Как солнце, сквозь сплошное решето.

И были мы и голодны, и наги,  
И были неделимы и родны.  
Как буквы на прозрачной бумаге,  
Что только Богу по ночам видны.

*10 ноября 2004*

В одном краю несбывшиеся дни,  
В другом краю несбывшиеся ночи.  
Но ты меня, встречая, не вини,  
Не прячь в слезу мерцающие очи.

Пустая трата времени и слов,  
Внушать тебе, что быть могло иначе.  
Не вышел из меня ни врач, ни богослов,  
А так, скорбящий раб полуудачи.

Налей мне не вина на посошок,  
Не пиво до краев, согласно правил.  
А тот озноб, и тот короткий шок,  
Что вывернул меня и переплавил.

И я вдохнул твою больную суть,  
Из смеси страха и животной лени,  
И положил в распахнутую грудь  
Слепую тень твоей незрячей тени.

Я прожил век в удобной слепоте,  
И в должный срок и глохну, и немею.  
Застывший призрак в пляшущей толпе  
Под музыку, что быть могла моею.

*4 октября 2013*

Этих пальцев полет по ладони,  
Этой кожи прозрачная медь.  
И звезда на цветном небосклоне,  
Что уже начинает темнеть.

Ты ли это, земли не тревожа,  
Не спеша прилетала ко мне.  
И светилась прозрачная кожа  
С темным светом восторга на дне.

А огни в этот час не горели,  
Все молчало, восторгу внемля,  
Нас качала, подобно качели,  
Одинокая наша земля.

И потом, когда гасло и тлею,  
Забываясь в нечаянном сне,  
Растекалось по воздуху тело,  
Оставляя лишь душу во мне.

*21 марта 2013*

Как этот мрак разбавить светом,  
Как эту глушь озвучить в речь.  
Как этот снег расплавить летом,  
Как пережить и эту сечь?

Мои тебе туманны требы,  
Ты тянешь руки мимо рук,  
Я слышал эхо речи Гебы,  
И мне противен здешний звук.

Звук разрываемой аорты,  
Звук веры, истовой, чем гром,  
Растущий звук безумной Порты,  
С ее всесущим топором.

Над тем, что плакало и пело,  
Над тем, что горше, чем тоска,  
Над совестью — белее мела,  
Над честью — с пулей у виска.

И все равно во тьме и страхе,  
Чья власть верховна на земле,  
Давно живущий, ако в прахе —  
Азм есмь, «умре, но истле».

*26 января 2014*

Метет шарав с рассвета до темна,  
Цикады звук исполнен грубой страсти.  
Со мной мой сон, надежда и вина,  
Колода карт запретной пятой масти.

Пасьянс готов, отложен и забыт,  
В игре не смысл, а праздная забава.  
Из свежих дум налажен скромный быт,  
О прошлой жизни слева или справа.

Зашорен свет пролившийся насквозь,  
Преодолевший душу и печали,  
Что намотало вечностью на ось,  
И что поймет безумие едва ли.

И дальше Марса бедный мой очаг,  
Где на камнях и пыль, и паутина.  
Там за окном любезный мне овраг  
И, Боже мой, знакомая рябина.

*23 марта 2021*

Злобы диагноз, конечно, не вечен.  
Давних обид не уменьшена рать.  
Жаль, что лечить эти тягости нечем,  
Кроме ума и умения прощать.

Снова земля, словно бранное поле:  
Крики, мечи и селенья в дыму.  
Мир непослушен рассудку и воле  
В граде престольном и малом дому.

Что наши речи и бедные вздохи,  
Нам не подвластна и наша судьба.  
Мы только слуги текущей эпохи  
Или рабы у другого раба.

Падает лист в истечении лета,  
В небе кружится верста за верстой  
Малая кроха, живая планета,  
Бедная птица над пустотой.

*6 сентября 2008*

Лавразия с Гондваной случились невзначай,  
Оставив не у дел великую Пангею,  
Где я сижу в саду и пью вприкуску чай,  
Гостей уже не жду, о прошлом не жалею.  
Напротив пегий пес с ухмылкой на лице,  
А рядом та, что мне завещана от века.  
И кошки рыжий хвост пушится на крыльце,  
А кошка так себе, старушка и калека.

Уют и тишина, пространство и пустырь  
Чирикает щегол и чистит клювом спину.  
И рядом за рекой трехглавый монастырь.  
И виден небоскреб пустой наполовину.

Еще журчит ручей, примерно, в трех шагах,  
И плавится асфальт, мечтающий о стуже.  
А у Пангеи вновь, намечен новый швах —  
Потоп или разлом, а может много хуже.

*23 марта 2021*

Справа смерть и слева тоже.  
Впереди надежды брег.  
Помоги нам грешным, Боже,  
Пережить и этот век.

Власть дрожащих в тайном страхе  
Низших дней и высших сфер,  
Не истлевшую во прахе  
Волю ненависти вер.

Третий зрак ослеп и умер,  
Вознесен на небеси.  
И мычит морзянкой зуммер, —  
Наказуй или спаси.

А земля летит куда-то,  
Не жива и не мертва.  
Так же ветрено крылата  
По законам естества.

Птица вьет гнездо беспечно  
Без фаты и без колец.  
Хорошо, что все не вечно,  
И конечно, наконец.

*15 февраля 2012*

Не трогай этот мир — он создан не тобою,  
Твое добро темно и сшито наугад.  
Плыви себе, мой друг, в разрушенную Трюю,  
Сложи сгоревший дом, разбей сожженный сад.

Забредшего — прими, любимую не мучай,  
И список не веди удач или пропаж.  
Но если повезет, и вдруг случится случай,  
Сложи из робких слов короткий репортаж.

О том, что скорбный мир для радости пригоден,  
О том, что краток век, но мирной верой длим,  
О том, что в небесах нерУшим храм господен,  
О том, что служит в нем усталый херувим.

Еще не позабуди о времени напрасном  
Потраченном на то, что было и прошло.  
Живи с самим собой в неведеньи согласном,  
Что не живет добро, где обитает зло.

*21 марта 2017*

Шаг за шагом, страх за страхом,  
Очень медленно, едва.  
Становлюсь достойным прахом  
По законам естества.

Говорю о смысле смерти,  
Что витает надо мной,  
И читаю на конверте  
Новый адрес неземной,

Где камин и чай с простудой,  
Бронза с патиной тускла,  
На диване книги грудой  
У окраины стола.

И еще — за что, откуда? —  
Без подстилки, на полу  
Два размеренных верблюда  
Дремлют, чавкая в углу.

*20 января 2006*

Одна чума сменить другую  
Спешит, времен ускорив бег,  
И снова в службу роковую  
Отправлен всякий человек.

По воле пленника неволи  
Законов тайных бытия,  
Не нами явленных в глаголе,  
Которых жертва ты и я.

И что с того, что каждый правый,  
Что будет оным правым впредь.  
Наш выбор прост, уйти со славой,  
Иль в неизвестности истлеть.

И может выжить незаметно,  
В забытом Богом рубеже.  
Так наугад и беспредметно,  
Как жили смертные уже.

*19 марта 2022*

Снова гунны в предместье Рима,  
Дальше Лондона, ближе Москвы,  
Как история, вдруг, повторима,  
И не в фарсовом виде, увы.

И опять не могу не не знать я,  
Заслонясь от судЕб слезой,  
Как сражаются сЕстры и братья  
В наступивший опять мезозой.

*30 июня 2007*

Как хорошо, что мы переродили  
Своих детей и скудные поля,  
И землю, что была в золе и иле,  
Украсили дворцы и тополя,

Где скрипка Моцарта смеется или плачет  
И шутит Бах сквозь гульбище музЫк,  
Где слово ничего уже не значит  
Как позабытый временем язык.

А наши дети пробуют иные  
Пути коммуникации на вкус.  
Перебирая звуки неземные,  
Какие знал и слышал Иисус.

Мы в немоте и любим, и лелеем,  
И дышим, умирая, в немоте.  
Словарь покрыт смолою и елеем  
И замурован в мраморной плите.

Друг друга не жалеем и не слышим,  
Живем вне страха Божьего суда.  
И больше не читаем и не пишем,  
И только вслух считаем иногда.

*2 марта 2009*

Вот мир лежит на царском блюде,  
Вот нож и вилка движутся скользя.  
И исчезают постепенно люди,  
Куда живым наверное нельзя.

И в трубах Босха копошатся звуки,  
Любви и жалоб эхо унося,  
И что успехи гибельной науки,  
И что греху святая правда вся.

А там за краем вечность и прохлада,  
А там за окоемом пустота.  
И ничего насущного не надо,  
И не спасают Бог и красота.

И вслед напрасно голосит зигзица,  
Впустую тратя сострадания пыл.  
Глаза открыты, неподвижны лица.  
И только шелест шестипалых крыл.

*17 марта 2020*

Все меньше в природе озона.  
Все меньше в народе добра.  
И нет никакого резона  
В потребности слов и пера.

В окошке — отсутствие света,  
На грядках крапива, увя,  
И нет в послесловии лета  
Понятий плода и ботвы.

И птицы летят равнодушно,  
Тонка Ариаднова нить,  
И Богу, наверное, скучно  
Проект неудавшийся длить.

Уходит в былое привычка  
Неведомая уму.  
И жизнь догорает, как спичка —  
Мерцая кому-то во тьму.

*3 августа 2008*

Что-то душно в империи мира  
И про завтра плохая молва.  
Так играй, моя грешная лира,  
Нынче слышимая едва.

И не жди понимания боле —  
Та же смута в нем, та же игра.  
Хватит собственной силы и воли —  
Раз пришла золотая пора —  
На развалинах данного света,  
Средь войною затопленных суш,  
Подчиняясь закону Завета, —  
Строить храм из разрушенных душ.

*24 июня 2007*

Я столько раз промахивался мимо,  
Идя на смерть, что зрил и принимал.  
И все, что мнилось мне неотвратимо,  
Оказывалось сбой, а не финал.

Снарядов взрыв в оплавленном окопе,  
И поезд в метре мчющийся насквозь,  
И нож в боку в коричневой Европе,  
Который пережить мне довелось.

И сорок дней устойчивого ада.  
Да мало ли, за здешние грехи,  
И та моя любезная менада,  
Кем был Орфей растерзан за стихи.

Но жив и пьян, и все еще не вечер,  
И шаг упруг, и воля не слаба,  
И дальше в быт открыл мне путь диспетчер,  
Приговорив к бессмертию раба.

И вот она затейливая ксива,  
Не по зубам ни власти, ни рублю,  
Я видел смерть — она вполне красива,  
Пусть подождет, пока не полюблю.

*20 марта 2015*

Душа не ранена и даже не убита,  
А просто, как предмет, удалена.  
Остался быт, разбитое корыто,  
И кое в ком — надежда и вина.

Пустеют города, болеют страны.  
И рощи переводят на дрова.  
И тускло светят яркие экраны,  
В тумане бреда видимы едва.

А жизнь течет — ни берега, ни края,  
Ни возгласа, ни крика, ни рожна,  
Течет себе, ликуя и играя.  
Как в мертвом море мертвая волна.

Без звука в воздух поднимая двери,  
Тела и шкуры вверх над головой,  
Не каждому, увы, дано по вере,  
И в общей куче мертвый и живой.

Налью вина и подниму посуду  
За жизнь и свет, за нашего Творца.  
За скорбный век, за то, что верил чуду,  
Еще за то, что вере нет конца.

*3 апреля 2010*

Перебираю крохи  
Смысла, которого нет  
И знаки больной эпохи  
Не вписанные в завет.

Думаю, не переча  
Сумме кровавых дат,  
Что может минует сеча,  
Имя которой ад.

И есть еще шаг до бездны  
До ядерной — в хлам — зимы,  
Где жили мы не любезны,  
И где ненавидимы мы.

И брежу не тем, что стало,  
А тем, что и быть не могло,  
Лишь только в уме летало,  
Словам о простор крыло.

*12 марта 2023*

*Светлане Олонцевой*

Ах, как это и лепо, и просто  
Жить с людьми по закону любви,  
Понимая, что кожа — береста  
И леса эти — братья твои.

Эти камни, овраги и кручи  
И зерно в колыбели земли,  
Эти белые пышные тучи,  
Что текут неподвижно вдали.

Понимая, что б сколько ни билось  
Ненадежное сердце в груди,  
Жизнь — такая великая милость,  
Что не важно, что там впереди.

*2 марта 1983*

Листаем страницы теней,  
Из прошлой зачитанной книги,  
Из сонма мелькающих дней,  
Разбитых на мелкие миги.

Их ответ лежит на лице  
Меня цвета и оттенки —  
Прощанье на лунном крыльце,  
Объятья у каменной стенки.

И капля сошедшей слезы  
Из полузакрытого ока,  
И пламя надмирной грозы  
Зажегшейся в небе высоко.

И тусклое слово — пора —  
И дале — оборвана встреча,  
И вон из судеб и двора  
У речки Красивая Меча.

Потом и туман, и рассвет,  
Окно. Занавеска. Терраса.  
И нежно — короткое — нет —  
И эхо до смертного часа

*10 марта 2016*

Запрятать голос в рукава,  
Укутать шарфом слух и душу,  
И грешным шепотом едва  
Коснувшись стен, покинуть сушу.

Лететь навзрыд в чужую даль,  
Стремиться — «быть», минуя страхи.  
А впрочем нет, немного жаль  
Мне обездоленной рубахи,

Что ляжет стула посреди,  
Поверх белья, как пена пышно,  
Вот почему еще в груди  
Стрекочет сердце еле слышно.

И кровь торопиться протечь,  
Сквозь тонкий лаз во тьме кромешной.  
Да жаль еще живую речь  
На миг оставить неутешной.

*20 февраля 2014*

Как хорошо. Душа дрожит,  
Почувств смертный грех,  
Когда смеется Вечный Жид  
На мой не вечный смех.

Как хорошо. Звенит коса  
Не о слепой кадык,  
А о траву, когда роса,  
Под еле слышный крик.

Я знать тебя не начинал,  
И звать еще не смел,  
И лишь, начало всех начал,  
Почувствовать успел.

На черном красным провела,  
Закрыла серым щель.  
И прямо в сердце в два ствола  
Попала слету в цель.

Восторга жест неуловим,  
Нечаян и лохмат.  
Теперь смеется Элоим,  
В лицо своей Алат.

*5 марта 2016*

Ангел мой земной, обними меня,  
И поплачь еще на моем плече.  
Здесь свеча горит, в пол, горит, огня,  
Сколько ей светить, и горечь свече?

Уроню ладонь на твою слезу.  
Подниму глаза, помолюсь Творцу.  
То ли лес горит на земле внизу,  
То ли нас ведут, наконец, к венцу.

Вот и свет погас на излете дня,  
Впереди весна, позади зима.  
Ангел мой земной, обними меня.  
Чтобы нам с тобой не сойти с ума.

*9 сентября 2010*

## ПИСЬМО К NN В МЦЕНСК ИЗ ИТАКИ

Как там в Мценске у вас с погодой?  
Что там в Мценске у вас с товаром?  
Я тут балуюсь мрачной одой  
Никому, незачем и даром.

Слышал, в Мценске большие страсти,  
Не в почете дрова и сало,  
А в почете — добыча власти,  
И как следствие — капитала.

Говорят, что бушуют бури  
Между мценскими господами.  
Я же нынче читаю дуре  
Пасторали о знатной даме.

Обходя глубокие лужи,  
Я гуляю напротив храма.  
Ходит слух, что оставили стужи  
Неразменную землю Хама.

Но взамен, накануне марта,  
Заведутся крутые драки.  
А у нас тут дряхлеет Спарта,  
Глушь и плесень у нас в Итаке.

Два цветка на большое поле,  
Много солнца, да мало свету.  
Но зато мы живем на воле,  
Да и в Мценске нас больше нету.

*8 марта 2019*

Утешь меня, мой ангел грешный,  
Останови мой давний страх,  
В разгаре мысли неутешной,  
Что был я прах и стану прах.

Быть Богу тяжело угодным  
Нам было встари и внови,  
Но для того, чтоб быть свободным,  
Достаточно глотка любви

От этих дней кровавой смуты,  
Где длится судеб череда,  
Где драгоценны лет минуты —  
До края страшного суда.

Разлей по чашкам чай зеленый,  
Налей мне доброго вина  
В бокал с тоской неутоленной,  
Где только вечность и вина.

И буду я тобой утешен  
Во сне мирском и наяву,  
Где я живу и нем, и грешен,  
Пока живу.

*8 декабря 2011*

И ты ни в чем не виновата.  
И я ни в чем не виноват.  
А брат опять идет на брата  
Уже убитого стократ.

Кому печаль, кому победа,  
Который год, который век.  
По схеме дат, в сюжете бреда  
По зову сбрендивших калек.

Весна проходит, молча мимо,  
Земля торопится остыть.  
Какой-то милостью хранима,  
Готова к жертве волчья сыть

У стаи вновь избыток прыти,  
В поту железные бока.  
И в ожиданье мяса сыти  
Слюна течет у вожака.

*26 февраля 2012*

Благослови вас свет создавший  
И наш за гранью воли век.  
Забытый Бог и зверь, уставший,  
Как все познавший человек.

Благослови вас, увяданье,  
Покоя стертые черты,  
И мера общая страданья,  
И мера общей доброты.

Благослови в года пустые,  
Во все иные времена,  
И те великие простые  
Безумий наших имена.

Я вас прошу, да будьте святы,  
Пусть отзовется словом — медь,  
Все, что крылато, — то распято,  
Так шло до нас, так будет впредь.

*26 ноября 1972*

Не за что зацепиться,  
Словно слезе с лица,  
Миссия очевидца  
Исчерпана до конца.

Миссия слова и дела  
Поручена никому.  
Солнце устало село  
В темном углу в дому.

Сумрак на пьяных лапах  
Ползает под столом.  
Сучий тревожный запах  
Переполняет дом.

Что ты мне тычешь в рожу  
Сном, что приносит боль?  
Вечность на вечность множу  
И получаю ноль.  
Свет за окном неярок  
Дней освещает дно,  
Да пара военных Парок  
Крутят веретено.

*24 января 2010*

Пол-Венеции — налево, пол-Венеции — направо,  
Впереди немного моря и желанная стезя.  
А вверху зеленый облак плавно с грацией удава  
Душит медленное солнце мирно по небу скользя.

Ты плывешь в своей гондоле, зафрахтованной на сутки,  
Я сижу немного рядом, и немного вдалеке,  
А меж нами воет сеттер в этом тесном промежутке,  
Под рулады гондольера с мерехлюндией в руке.

Что же сразу не сказала, что небывшего не будет,  
Отчего ты смотришь мимо и раскоса, и смугла,  
Ты же бурно обещала, «Дженни друга не забудет»,  
А не то, что не забыла, даже вспомнить не могла.

Так зачем же встретив снова, тащишь молча по каналу,  
Отчего собака воет, как по мертвому уже,  
Отчего скрежещет днище, с мерзким звуком по металлу,  
И о чем им вторит скрипка, на последнем этаже?

*2 июня 2014*

Впереди цветет миндаль,  
За спиной — печать заката,  
И куда не глянешь — даль  
Сизым облаком крылата.

И уходит из-под ног  
Безымянная дорога,  
Что стелил когда-то Бог  
От заветного порога.

Молкнет медная труба  
Век служившая усердно,  
Вот и новая судьба  
Знать ко мне не милосердна.

Между двойкой и тремя  
На мишени числюсь в тире.  
Пожалей сегодня мя,  
Грешный ангел в грешном мире.

Как тиха земная дрожь,  
Не земная душу манит.  
То, что сеял, не пожнешь,  
Время жатвы не настанет.

*25 февраля 2019*

Я жизнь проспал, и что в итоге?  
Ни грез, ни веры, ни людей,  
А только мир туманный в Боге,  
Да призрак призрачных идей.

Не разбудили в должной мере  
Ни войны наций и племен,  
Ни сшибки тех, кто в общей вере  
Стучались в мой невечный сон.

Ни выстрел, пролетевший мимо,  
Отцовство мерой в полувек,  
Ни буйство дремлющего Рима,  
Ни нежность лучшей имярек.

Из смерти в смерть перетекая,  
Из сна и снова в новый сон,  
Так и живу в бараке рая  
К себе прикованный Ясон.

*28 февраля 2020*

Обнаружил Шлиман Трою  
В глубине вечерней смуты,  
Я, наверное, открою  
Тайну будущей минуты.

И, вперясь в огонь камина  
Безобразным третьим оком,  
Выпью чай с невкусом тмина,  
В блюде налитый пророком.

И услышу шорох стрелок,  
Мельтешащих мне по кругу,  
Словно стая рыжих белок,  
Не привязанных друг к другу.

И услышу ход и скрипы  
Наступающей эпохи,  
Где на смену власти липы  
Лезут царственные блохи.

Медь гремит, за ней посуда,  
Ложек звон сильней войны.  
И солирует Иуда,  
Вторя хору тишины.

*16 февраля 2003*

Сердце вернулось, устроилось сбоку,  
И прилепилось надежно к спине.  
И завертело тоску и мороку,  
В яви, конечно, и меньше во сне.

Сразу заныло, вздох застучало,  
И постепенно освоилось так,  
Что моей жизни живые начала  
Смерти разжали сведенный кулак.

Сердце стыдилось, молчало, болело,  
Терлось о спину, смеялось, шепча, —  
Это твое непутевое тело  
Сладко горчит, как в саду алыча.

Как оно, бедное, снова резвилось,  
Как оно, бедное, снова росло.  
Если б не Ты, то, конечно, разбилось  
Или сменило свое ремесло.

*30 января 2005*

Вера еще в зените,  
В руке упруго цевье.  
Что не мое — возьмите.  
Все, что мое — мое.

Белка в кормушке белой.  
Ты — в упрямстве святом.  
Все, что не сделал — делай,  
Жизнь или смерть потом.

Двор неметен с апреля,  
Крыша ржава года.  
Но кровь не остыла в теле,  
А прочее — не беда.

И, разум закрыв ладонью,  
Дни в наважденьи длю.  
Душу твою воронью  
Слепо и в долг люблю.

*7 апреля 2004*

Умирают враги понемногу,  
Воскресают друзья, наконец,  
И мы молимся юному Богу,  
Сочинителю свежих сердец.

Над сиреневой кромкой залива,  
Только солнце погаснет едва,  
Неуклюже и не торопливо  
Собираем из звуков слова

Той молитвы, чье время не скоро  
Посетит эту праздную глушь,  
Где на троне штаны Пифагора  
В голубую полоску к тому ж.

Те штаны верховодят прекрасно,  
Множа кратно меня на тебя,  
Чтоб в итоге мы жили безгласно,  
Семантический корень дробя.

*22 февраля 2018*

Тревога пришла ниоткуда,  
Освоилась тут же вполне,  
И дел окаянная гряда  
Рассеялась памяти вне.

И сквозь несуразицу быта  
Пролился нечаянный свет,  
Являя, что было забыто  
Надежно за давностью лет.

И слезы текли как когда-то,  
Врачуя усталости лик.  
В таинственных дебрях Арбата,  
Где были мы счастливы миг.

И власть отступала резона,  
И свет не спешил умирать.  
Как будто бы в штат Аризона  
Сходила любви благодать.

И прошлое хлынуло разом,  
Стирая пейзажи глуши.  
Как жалок блистательный разум,  
При сумрачном свете души.

*21 февраля 2021*

Вот и вечер не нашел свою дорогу,  
Вот и утро опоздало на часы,  
Собираемся за ними понемногу  
Вдоль разбитой на осколки полосы.

Небо красным и зеленым полусшито.  
Голуба до непрозрачности вода.  
Возле дома деревянное корыто  
И другое не увижу никогда.

На свирели тростника играет рыба,  
Дышит жабрами, губами шевеля.  
На просторах окаянного Магриба  
Полыхает перегретая земля.

Еле видимы багровые зарницы,  
Или за морем куражатся огни.  
Запах дыма долетел уже до Ниццы,  
Запах гари на дорогах Сан Дени.

И вдыхает это запах морок суши,  
Стелет под ноги ведущий в бездну путь.  
Судный день вползает к нам в больные души,  
Незаметно, без усилий, как-нибудь.

*20 февраля 2011*

*Ларисе Новосельцевой*

Круг ненависти пуст,  
Порочен и греховен,  
Не размыкая уст,  
Играет не Бетховен,

А музыка сама,  
Сошедшая со круга,  
Играет вальс — зима,  
Играет фугу — вьюга.

И в раненную рань,  
В ответ на боль и страхи,  
В окне цветет герань  
По щиколотку в прахе.

*17 января 2004*

Я мало что могу, убогой жизни раб,  
Когда царят вокруг кистень и медный грош,  
На каждый вздох — налог, на каждый выдох — кляп,  
И кто кому судья вовек не разберешь.

Смиренью есть предел, но страху — никогда,  
Конечно, ваша власть, и править — ваш черед,  
Зачем и кто, скажи, сослал меня сюда,  
А может быть послал, (как слово), в переплет.

Сказать? Да я сказал негласно в глухоту,  
Пропеть? Да я пропел и в звуке изнемог,  
Когда-нибудь и я, как птица на лету.  
Не вздрогнет чей-то крик, и не заметит Бог,  
Как лист, легко кружа, истаю в темноту.

*13 февраля 2018*

Перемены, опять перемены —  
Дом стоял, оказалось, пустырь.  
Вместо рампы сверкающей сцены —  
«Глушь, Саратов» и следом — Сибирь,

Где ты в лёт прокутил беспредметно  
Время века, как будто дитя.  
В те же годы обычная Этна,  
Столько дел натворила шутя.

А Катрина в судьбе Орлеана,  
Или прочие Метью навзрыд,  
А тебя не заметила Анна  
Равнодушно в тени пирамид.

Пол империи вынесло в нети,  
Пол народа рассеяло в дым.  
Что ты сделал такого на свете,  
Божий дар обрета молодым.

Ну а мог бы, да видно не вышло.  
Жизни брочка пылит вдалеке.  
К шее прочно приковано дышло,  
Божий кнут не у Бога в руке.

*14 февраля 2019*

*Виктору Кагану*

Я жил как все, служа и не перечая  
Грядущим дням, текущим нынче вспять,  
Закону следуя предтечи —  
Смиренье — грех, а воля — благодать...

И вот он край печали и неволи,  
Где звуков эхо оставляет речь.  
Зерно судьбы собрали и смололи,  
Пришла пора и хлеб отправить в печь.

Витает сумрак и звенит посуда,  
Светла вина янтарная струя,  
А я все жду несбывшегося чуда —  
Разгадки неземного бытия.

*14 февраля 2021*

Стена и гроздь винограда.  
И кипарисов стройный ряд.  
Как хорошо, что мне не надо  
Идти вперед или назад.

Шагают медленно павлины  
С наклоном глупой головы,  
Они уместны и старинны  
На красном кружеве травы.

Гранит разбитого фонтана  
На фоне сумрачного дня.  
Весь мир — как полотно экрана,  
Что нем и темен без меня.

Там жизнь усталая томится,  
Там грех с отвагой пополам,  
И там лежит, потея, Ницца  
Как позабытый Богом хлам.

Калитка ржавая открыта.  
Облезлый замок за спиной.  
Еще разбитое корыто  
Качает медленный прибор.

*8 февраля 2009*

Справа даль и слева тоже.  
Впереди скалистый берег.  
Помоги нам грешным, Боже,  
Пережить и этот век.

Власть дрожащих в тайном страхе  
Низших дней и высших сфер,  
Не истлевшую во прахе  
Волю ненависти вер.

Третий зрак ослеп и умер,  
Вознесен на небеси.  
И мычит морзянкой зуммер, —  
Наказуй или спаси.

А земля летит куда-то,  
Не жива и не мертва.  
Так же ветрено крылата  
По законам естества.

Птица вьет гнездо безопасно  
Без фаты и без колец.  
Хорошо, что все не вечно,  
И конечно, наконец.

*15 февраля 2012*

Сердце вспотело от вечной запарки,  
Ткут свою пряжу безумные парки,  
Ткут свою пряжу, беспечно бубня,  
Что им убогим давно до меня.

Выстрел на выстрел, стрела на стрелу,  
Ропщет душа в неуютном углу.  
Ропщет душа и твердит наугад —  
В жизни такой ты один виноват.

Тянется пряжа, свивается в нить,  
Некого стало жалеть и винить.  
Некого стало прощать и жалеть,  
Олова вдоволь, да кончилась медь.

Шведская сталь затупила ножи,  
Хочешь скитайся, а хочешь служи.  
Хочешь запри свою тень на замок,  
Запад иссяк и восток изнемог.

Тратится пряжа виток за витком,  
Век убывает, химерой влеком,  
Несыть и сыть перепутались в суть,  
Бездна мерцает, а кажется путь.

*16 июля 2010*

С.О.

Во мне проснулась несостоявшаяся жизнь  
И стала мешать двигаться, видеть небо и землю.  
Она надела теплый шарф на шею  
Меня осенью семьдесят первого  
И поцеловала сзади  
Губами из чистой шерсти.  
И тут же, не отходя ни на шаг,  
Обманула меня с каждым прохожим.  
С птицей, сидевшей на клене.  
С собакой, спящей возле липы.  
С облаком, пролетавшим мимо.  
В ней не было ни стыда, ни страха  
За мою несостоявшуюся жизнь.  
Ее вполне примиряло со мною  
Чувство пропавшей скуки  
И еще то, что она б никогда не узнала,  
Не будь этой будущей встречи.

*8 ноября 2004*

Мне б выбраться из плена  
Не вдоль, а напрямик,  
Я — Данова колена  
Бездарный ученик.

Душа моя пробита  
Сквозь медные бока,  
Разбитое корыто —  
Жилище дурака.

И где-то возле Трои,  
А может, на луне,  
Лежат мои герои  
На пролетарском дне.

Пора бы к ним поближе,  
Забиться праздным сном.  
Но в неземном Париже  
Не гаже, чем в земном.

Играй же, слышу, Боже,  
Не утомляй судьбу,  
Плешивому вельможе,  
Туземному рабу.

*28 марта 2011*

Неподвижные качели,  
Негорящая звезда.  
Пусто место в колыбели.  
Вместо вод — разливы льда.

Встал и вышел вон из века,  
Не дошел. Устал. Продрог.  
Жаль, что вместо человека,  
Промерцал и скрылся Бог.

И сию напротив сада,  
Грустно слушая цикад,  
Что доносятся из ада,  
Пред которым данный сад.

Сколько лет сию не знаю,  
Безымянный имярек.  
Неподвижно движусь к краю  
За которым прошлый век.

На лице литая маска,  
Тяжелей душа свинца.  
Вот такая вот развязка —  
Веры в чудо без конца.

*25 ноября 2021*

Обложило время ватой,  
Глухота заткнула рот,  
И никто не виноватый  
Ни бароны, ни народ.

И сидишь себе в берлоге,  
Лапу сладкую сосешь,  
Над берлогой бандерлоги,  
А над ними медный грош.

Кто по тюрьмам, кто в опале,  
Кто в телеге, кто в седле,  
Этим кнут, а тем медали,  
Все, как должно на земле.

Было наше, стало ваше.  
Червам пики нечем крыть.  
Жаль, что в пору — (этой краше) —  
Нам с тобой не станет жить.

*20 ноября 2013*

Каюсь, жизнь просмотрел по дороге,  
Что как тень провожала навзрыд.  
Только страхи, дела и тревоги,  
Да еще искалеченный быт.

Что теперь, когда что-то вокресло,  
Когда пахнет золой и теплом,  
Я сажусь в одинокое кресло  
Под твоим одиноким крылом.

И руками вожу по простору,  
И свиваю в тончайшую нить  
То ли ветер, а может быть гору,  
Что, конечно, мне лучше не вить.

Серебря похудевшую кожу,  
Словно снова живу и люблю.  
Все делю, что, мне кажется, множу.  
И все множу, что жадно делю.

*5 февраля 2005*

Как хочется пить, а кругом вода,  
Как хочется жить, а кругом смерть.  
И сквозь меня натянуты провода  
Один провод сметь, а другой не сметь.

Только тронь, и каждый искрит,  
А если замкнуть, не сносить головы.  
Хорошо, что есть на земле этой остров Крит.  
На расстояньи доступности от Москвы.

Птицы кричат, море шумит.  
Ор куропаток визглив и груб.  
Журчит родник из-под мраморных плит,  
Так бы и выпил все не отрывая губ.

Кто я, кому, пригодился на час,  
Тужится небо, рожая темь.  
И что с того, что я еще не погас,  
Часы считают — девять, восемь, семь.

*16 июня 2013*

Неправых нет, и правота — мираж,  
Туманны лица в сумерках времен.  
Не лучше ль взять бесцветный карандаш  
И перейти бесцветный небосклон.

На пустоте, на призраке ничто  
Бесцветный путь куда-то проложить.  
И, расстегнув бесцветное пальто,  
Начать не умирать, а снова жить.

Ни с кем не споря, веруя и для  
Не эти дни, а те, что пропустил,  
Иному свету с музыкой внемля,  
Под сенью золотых небесных крыл.

И, если вдруг исчезнешь в никуда,  
Не трать на сожаленье бранный пыл.  
Исчезнуть вовсе — вовсе не беда.  
Беда — что жил, как будто и не жил.

*4 февраля 2008*

Какое солнце молодое,  
Какая плоская земля.  
И на холме дымится Троя  
На фоне красного кремля.

И те цвета вдали едины,  
И рознь меж ними не видна.  
Я выпил обе половины  
Суть наваждения до дна.

И эта смесь вины и веры,  
Со справедливостью внутри,  
Увы, такие же химеры  
Как блоковские фонари.

Неяркий свет на два квадрата.  
Деревья хворые в саду.  
И что твои ума палата  
При свете мысли какаду.

Тяни себе из смуты нити  
И не спеши из круга вон.  
Все повторяется в граните.  
И жизнь, и смерть и даже сон.

*26 февраля 2006*

Что-то ветер над оливами тяжел.  
Густо падают февральские дожди.  
И зачем я в эту невидаль зашел,  
Говорили, дураку, не заходи.

В новой жизни я еще не наторел.  
Дом рифмуется с растерянностью дня.  
Хорошо, что окончательный предел  
Не написан небесами для меня.

Я накину равнодушие от дождя,  
Барабанит по плечам моим вода.  
Я уехал от безумного вождя,  
Но уехав, не уехал никуда.

Солнце в тучах источает свой испуг,  
Галька мокрая шуршит потом в ночи,  
Ты прости, что я молчу, сердечный друг,  
Только ты со мной сегодня лучше не молчи,

А утешь меня в туземной толчее  
Ворожбою уцелевших ворожей,  
Что случается иное житие  
За пределами казенных рубежей,

*9 февраля 2012  
ред. 1 февраля 2021*

Я живу в нарисованной клетке,  
Жизнь изгнанника тускло веду.  
Попугай суетится на ветке  
Одинокий, мой друг какаду.

А ночами обычно скучаю,  
Пью «Бордо» у живого огня,  
Какаду королем величаю  
В ожидании Судного дня.

За окном — то война, то разруха,  
То стихии небесной бои,  
Да едва уловимый для слуха  
Легкий шорох тяжелой хвои.

Да горит еле видно лампада  
На краю полусомкнутых век,  
Да еще на картине Гренада  
Украшает собою ночлег.

Да собака скулит у порога,  
Торопя неизбежный рассвет.  
И далеко-далече до Бога,  
Как до смерти — в четырнадцать лет.

*24 июня 2009*

Уже не встречу Спутницу из сна,  
Что мне явилась явственно когда-то,  
Когда случилась поздняя весна  
Во времена сносимого Арбата.

Но я Ее по буквам узнаю,  
Что второпях ложились на бумагу,  
Жаль только звук, что просиял в краю,  
Где в яви мной не сделано ни шагу.

Их не связать мне даже наобум,  
Так музык — смыслом — строй переиначен.  
Знать не помогут вымысел и ум,  
Что был во сне и прост и однозначен.

Она жива, меня на свете нет,  
И нет смешней и бесполезней муки,  
Знать, что листвою бредит бересклет,  
Как буквы ждут потерянные звуки.

*27 января 2023*

*Alla Latynina*

Смывает мир, как мусор, в океан,  
Проходит век, не бывшее итожа.  
И пуст души неведомый экран,  
Лишь тускло светит выбритая кожа.

Надену шляпу видом набекрень.  
Мозги ввихну и посмотрю направо,  
Направо делят жадно дребедень —  
По смыслу вкупе суета и слава.

Налево — войны, смерти и чума,  
От ярости кривы и скорбны лица,  
Постичь не хватит бедного ума.  
Зачем все это продолжает длиться.

Суть — все равно отмерены часы,  
Конечны вера и любая крепость.  
Давно разбиты вечности весы,  
Их заменили случай и нелепость.

А дождь все пуще, по окну стуча,  
Напоминает о небесной каре.  
Так и живем — пока горит свеча,  
Три не земных и не небесных твари.

*10 апреля 2012*

Какая ночь, какая улица  
В сиянье музыки и свеч.  
И как рыдает и сутулится  
Твоя изысканная речь.

Ты в благодати и условности,  
В поре несложной наугад,  
А я в навязанной греховности  
Который год живу подряд.

Зачем-то это не кончается  
Внутри закрытого лица.  
Пора, наверное, отчаяться,  
Но путь не пройден до конца.

Он то тяжел обиды мерою,  
То легче веянья молвы.  
Я не пойму, во что я верую,  
Но знаю верую, увы.

*23 января 2018*

Как уродливо время кривое  
Из прекрасных и ветреных дней.  
Как мне жаль, что откопана Троя,  
И оставлена грудой камней.

Вот меж оными редкие травы,  
След Ахилла на солнце блестя,  
Милый воин, Вы были неправы  
Не Парису, но Гектору мстя.

Где-то оба закопаны близко.  
Где-то пепел кружился паря.  
Никакого тебе обелиска,  
Или места в строке тропаря.

Или тени в затоптанной пыли,  
Где истлели до дна письмена.  
Помусолили и позабыли  
Даже губы на вкус имени.

Помяну из расколотой стали,  
Век ваш был неуемен и шал.  
Не погибли, а просто устали  
И исчезли, чтоб мир не мешал.

*26 января 2017*

Ранима звуком, вздохом и листвою,  
Полетом птиц и музыкой ранима,  
Ты, как небес бессрочный вестовой,  
В слова и жесты непереводима.

Окно мороз узорами затмил,  
И тьма вовне сочится незаметно.  
И «междометие свинцовых крыл»  
Тобой живет легко и беспредметно.

Дымится борщ, протяжен и не густ,  
Внимает око этому пределу.  
Не отнимай заледеневших уст,  
Прижатых плотно к медленному телу.

Я весь — с тобой, от взгляда до кивка,  
От нежности до крика и распада,  
И что с того, что коротки века  
Вдоль трех шагов по выкройке из ада.

*25 января 2022*

Уродами земля моя богата,  
Талантами земля моя щедра,  
Нагни ведро снесенного Арбата  
И вытечет бессмертье из ведра.

Подставь потоку и лицо, и шею,  
Запей бокалом пьяного вина.  
И выйдет то, о чем сказать не смею,  
Неизлечима времени вина,

Что нас вела, ломая и калеча,  
За веком век бессмысленно круша,  
Пока до дна не дале, чем далече,  
Пока совсем не вытекла душа.

А так все ладно, унывать не гоже,  
И соль, и хлеб в избытке на столе,  
А то, что нас оставили без кожи,  
Не в первый раз на проКлятой земле.

*27 июня 2021*

Свято место не бывает пусто.  
Пустота заполнит пустоту.  
Выпьем пива, почитаем Пруста  
И впадем, как в ересь, в простоту.

Вот рояль, к нему, конечно, ноты,  
Десять пальцев, музыки кусок.  
Нам сыграют польку идиоты,  
Всунув в звуки детский голосок.

Трали-вали — не жили, как жили,  
Через пень колоду, кое-как.  
Или выживали. Чаще — или:  
В руки — свечку, на глаза — пятак.

Кто остался, мается и ныне,  
Еле жив, уставу вопреки.  
Господи, за что в Твоей пустыне  
Так редки и кратки родники?

Дует ветер, музыка сочится,  
Булькает холодная вода.  
Неужели больше не случится  
Ничего на свете никогда?

*27 января 2009*

Что-то было не так. Что-то стало иначе.  
Зря я прежде о чем-то у Бога просил,  
Он просыпал, смеясь, мимо пальцев удачу,  
И забыл обо мне, и звезду надо мной погасил.

Что мне было, признаться, до этой печали,  
Если плыли качели, и в небе держали меня.  
Столько жизни в избытке отпущено было в начале,  
Что для смерти, казалось, судьба не оставит ни дня.

И с тех пор я живу в этом вечном обмане,  
Мимо воли давно позабывшего землю Творца.  
Лишь погасшей звезды все равно различая в тумане  
Бывший свет, что пребудет со мной без конца.

*21 января 2018*

Сыграй мне скрипка сон последний,  
 В котором не было греха.  
 Где я молился пред обедней  
 Словами позднего стиха.

О пустоте мирского блага,  
 О буднях полных горьких дум,  
 О том, как Влтавой плещет Прага,  
 И ворожит мой праздный ум.

О том, как дерево у вОды,  
 А может все же у водЬ,  
 За лесом водит хороводы  
 Под музыку земной беды.

И как пронзительно над нами  
 Протяжно кличет Див седой,  
 И как луна в червонной раме  
 Дрожит над вОдой и водОй.

О Господи, закрой мне двери  
 Туда где не достанет сыть,  
 Где было б мне дано по вере,  
 И где меня не станет быть.

*13 января 2012*

С Востока снял защиту Бог,  
И Запад съежился до вздоха,  
И самой худшей из эпох  
Моя объявлена эпоха.

Опять колеблется земля,  
Огнем земным пространства руша.  
И убывает — море для —  
Вчера незыблемая суша.

Что я на берегу стихий,  
Что мы в кругу семьи и веры,  
Коль поднимает веки Вий  
По знаку царственной Химеры,

И где, потворствуя греху,  
Роль глухоты неодолима.  
И снова слово на слуху  
О гибели очередного Рима.

*ред. 28 март 2022*

Бедное мое тело  
Разрезано вкривь и вкось.  
Солнце закатное село,  
И свидеться не удалось.

Красный рубец на шраме  
Выглядит так светло.  
Закат в деревянной раме  
Чуть золотит стекло.

Сколько еще осталось,  
Ветреных этих лет,  
Солнцу присуща усталость,  
Последней надежде — нет.

Надену опять хламиду.  
Выйду в зеленый сад.  
Я пережил обиду  
Жизнью, скитаясь, над.

Павлины смешны как дети,  
Луна черна и влажна.  
Справа — играют дети,  
Слева — прядет жена.

Сам пропадаю в раже  
Уймы насущных дел.  
Я бы не умер даже  
Если бы захотел.

*17 декабря 2011*

Поколдую, звук настрою,  
И скручу в тугую нить.  
То чего я в мире стою,  
Не тебе о том судить.

Вот душа поверх сорочки,  
Вот рассудок смысла вне.  
Вот ушли из текста точки  
Шагом медленным ко мне,

И в оставшемся разладе  
Различить едва я смог —  
«Будет править в Цареграде  
Прежде царь, и следом Бог».

Но не мне блюсти законы,  
Византийский тратя пыл,  
Все житейские резоны  
Я намедни позабыл.

И вяжу на спицах страха  
Скорбный свет сгоревших свеч,  
Чтоб горячей горстью праха  
Рук холодных не обжечь.

*10 январь 2019 г.*

Я только ночь готовился к эпохе,  
Не пил, не ел, не требовал огня,  
А только шил из междометий вздохи  
И из того, что делало меня.

И день пришел — и будничный, и праздный,  
Любого дня подобие насквозь,  
И чей-то стон, кривой и безобразный,  
В меня воткнул прозрачную ось,

И я вишу на выдохе без вдоха,  
Ворча, на ось наматываю дни —  
По имени «прекрасная эпоха»,  
По отчеству «спаси и сохрани».

*1 января 2003*

Пока не выполз голубь из берлоги,  
Пока цветок не окотился вдруг,  
Мы подведем столетию итоги,  
Еще летам неведомый, мой друг.

Мы жили долго в не небесном храме,  
Одни всерьез — другие невпопад,  
Рожденные при рукотворном хаме,  
И при другом спустившиеся в ад.

Бессмысленны, умны, простоволосы,  
Не сделавшие дела ни на грош,  
Вот разве что задавшие вопросы,  
Которые ты сразу не поймешь.

Зачем ярму вручали страстно шеи,  
И старый дед и юный пионэр,  
Зачем строчили нам родные швеи,  
Не сарафаны — саваны в размер.

И почему кумиров наваляли  
Из бесов, дураков и прочих «не».  
Да мы и сами поняли едва ли,  
Что жили, как и померли — во сне.

*10 июля 2021*

Говорят, что родился в церковной ограде,  
Говорят, что по Бурцеву буквы открыл,  
И не знают, что жил и живу в Цареграде.  
Где постиг анатомию солнечных крыл.

Говорят, что учился в зачуханной школе,  
После — армия, книги, и выцветших дат дневники,  
И не знают, чьим пленником власти и воли  
Был я здешней и внешней судьбе вопреки.

Говорят, что меня приютила на час Моховая,  
Говорят, что на век одарила приютом Москва,  
И не знают, что роль безымянного мужа играя,  
Я искал и нашел, то что сам понимаю едва.

И пытаюсь постичь незнакомые «буки и веди»,  
Из прозрений и смут различимые знаки кроя,  
Под свинцовые марши раздавленной временем меди  
Я иду наугад ОТ дороги ведущей за грань бытия.

*3 января 2020*

Пружинит шаг, пружинит тело.  
Зима родна и горяча.  
Судьба устало пролетела,  
Поклажей призрачно бренча.

А я опять ищу удачу,  
Опять спешу на чей-то зов,  
И по ночам смеюсь и плачу,  
И начинаю жизнь с азов.

Легко, рыча, остервенело,  
Вия надежду изо сна.  
Как хорошо, что мучит тело  
Зима не меньше чем весна.

И бережно под стон свирели,  
В окно открытое маня,  
Качает ель глоток метели,  
Застрявший в горле у меня.

*28 декабря 2010*

Где-то бродит наважденье беспризорно,  
То ли тает, то ли кружится стремглав.  
Наше сущее надежно и бесспорно  
Даже если я виновен и неправ.

Все равно звезда погасшая красива,  
И прекрасна не взошедшая трава.  
Мир продолжится, и это справедливо,  
Даже если ты стократно неправ.

Будет море, будут птицы и печали,  
Будут терпкие и дикие плоды,  
Что на землю раскаленную упали  
У соленой и расплавленной воды.

Пахнут листья пожелтевшие агавы  
То ли мороком, а может быть, судьбой,  
Все священо, даже если мы не правы,  
И виновны непрощаемо с тобой.

Вот и вечер раньше срока гасит луны.  
Вот и утро не торопится истечь.  
Хорошо, что мы потомственные гунны,  
И призывна, и гортанна наша речь.

*2 января 2012*

Все началось в декабре, закончилось в ноябре,  
И стрелка не добежала.  
Дом мой с круглым окном стоял на горе,  
И сердце в нем ныло и жало.

Спасибо, что не пришла ни завтра, ни через силу,  
Ни через правильный срок — никогда.  
И вот я плыву, веслами шевеля, по Нилу,  
И кругом меня весело умирает вода.

И все-таки хорошо, что куплен билет в обратно,  
И все-таки я не сплю в каюте.  
Вот уже, знаешь, это невероятно —  
Свободен и нем, по сути.

Прорезались жабры, пора на дно, ворочаться в иле.  
Видишь на горизонте — парус, это за мной.  
Даже не знаю, шкоты взять или  
Затеять прощальный ужин с судьбой моей не земной.

*28 декабря 2015*

## Содержание

От составителя.....	3
От автора.....	4

### Стихотворения

1. Пока не выполз голубь из берлоги.....	27
2. Пережив закат Европы .....	28
3. Я — очень многочисленный народ.....	29
4. Пришла пора сложить слова .....	30
5. В мире мемов победивших .....	31
6. Поры души и духа.....	32
7. Мой век изжит .....	33
8. Как хорошо, что смерти нет .....	34
9. Как стаи птиц, смежив крыло.....	35
10. Сколько нас по весям и по долам.....	36
11. Снова каменный век — тетива и секира.....	37
12. Чего тебе бояться, человек .....	38
13. Еще одна смешная дата.....	39
14. Время мое прошло .....	40
15. Пропал хозяин, бесятся холопы.....	41
16. Какому омуту дано тебя понять.....	42
17. «Ты не с Богом, да Бог с тобой» .....	43
18. Что ты делаешь? Я — живу.....	44

19. Со мной слова, и все в порядке .....	45
20. Живу уже не здесь.....	46
21. История крепостного Яшки.....	47
22. Я уже не воюю.....	48
23. Никто не виноват, что я умру .....	49
24. Где-то в полусне и полуяви .....	50
25. Не вышел диалог с глумливым веком .....	51
26. Неслышим, невидим в пустыне людей.....	52
27. Нечто лирическое о конце света .....	53
28. Ступени вверх, ступени вниз.....	54
29. Много чести для этого мира .....	55
30. Живу среди зверей в своей удобной клетке.....	56
31. Словарь, оставшийся от страха.....	57
32. Обещаю тебя разлюбить .....	58
33. На мрак и свет помножена душа.....	59
34. Россия — сплошная Троя.....	60
35. Из неизбежности и нежности.....	61
36. Я умер много раз, и не воскрес ни разу.....	62
37. Туземный словарь параллельного быта .....	63
38. Еще не высохли чернила .....	64
39. Продолжается русская драма.....	65
40. Пора надежды миновала.....	66
41. Казалось, все было некстати .....	67
42. Матери — в час рождения дочери .....	68
43. Все как положено по штату .....	69
44. Пришли ко мне поля проститься ввечеру .....	70
45. Сад ты мой, больной и белый .....	72
46. Вспышка короткая страха.....	73
47. Черной крови выплевывай сгустки.....	74
48. В окне — луна, а под окном — собака .....	75
49. Закутай мне плечи, закутай .....	76
50. Вступленье. Середина. Эпилог .....	77
51. Во сне люблю, во сне живу .....	78

52. Поболело и перестало.....	79
53. Дом открыт, разбиты двери.....	80
54. За окном какой-то город.....	81
55. Война на бешеном Востоке.....	82
56. Черкнет по полдню ветер веткой.....	83
57. Все реже снятся луговины.....	84
58. Как прежде жил, так и живу.....	85
59. Друзья уходят — недруги цветут.....	86
60. Перед теми, кто ушел — виноват.....	87
61. Мой внутренний словарь от жизни так далек.....	88
62. Так много мне сказать Вам надо.....	89
63. Я б вас любил, кабы не знать заранее.....	90
64. Пепельно-серый устойчивый быт.....	91
65. Утоли твои печали.....	92
66. Ум ночной и ум дневной.....	93
67. Я тело износил за годы в дым.....	94
68. Жизнь возвращается неспешно.....	95
69. За окном — то свет, то тьма.....	96
70. Нет надежды, нет тревоги, нет печали.....	97
71. И что такое этот сброд.....	98
72. Ты вернулся — дома нет.....	99
73. Рад, что веришь между делом.....	100
74. Так бережно, как вы меня любили.....	101
75. Дую в медную трубу.....	102
76. Что ж так часто тревожит тревога.....	103
77. Тревожное — где-то, когда-то.....	104
78. Столько раз прощенье явлено.....	105
79. Снег, туман, зима, метели.....	106
80. Сыть уснула, тень уснула.....	107
81. Ты не с Богом, да Бог с тобой.....	108
82. Больше ясности, меньше хлама.....	109
83. Катится время, тяжелым катком.....	110
84. Лезут в уши чужие, безбожные, мертвые звуки.....	111

85. Угадай, не угадаешь .....	112
86. Жизнь моя разминулась со мною.....	113
87. Зазывает зазывала, — поживи еще немного .....	114
88. Я меняю бЫка на яндЫка .....	115
89. Помоги мне, Господи, избежать судьбы .....	116
90. Мои барабаны негромки .....	117
91. Никто не вернулся назад.....	118
92. Опять преображенец за стеной.....	119
93. Сны содержательнее яви.....	120
94. Опускается вечер неспешно.....	121
95. Шестнадцать ступеней, и ночь на дворе .....	122
96. В зазеркалье слов и мысли.....	123
97. Благодарю за Божий дар.....	124
98. Жизнь одна прошла убого.....	125
99. Я живу в присутствии огня .....	126
100. Устав от праздного труда .....	127
101. На клавиши упал случайный свет .....	129
102. И вот остались мы вдвоем.....	130
103. Усталость не мешает быть живым.....	131
104. Время общей любви истекло .....	132
105. Я — изгнанник, сошедший с ума .....	133
106. Слова бежали врассыпную.....	134
107. Отмерзают остывшие люди .....	135
108. Я слеп в чужой земле, я глух в чужой стране .....	136
109. Что-то ворон раскричался над заставой.....	137
110. Соловей поет беспечно .....	138
111. Как хорошо, что все кончается.....	139
112. Свет в распахнутом оконце.....	140
113. Этот мир невесом и нелеп .....	141
114. Труден день и долог вечер .....	142
115. Вина не велика, полмузыки остыли .....	143
116. Спит народ, бунтует небо.....	144
117. Имея — не иметь, а потеряв — обрести.....	145

118. Как мозг неискушен в простых словах.....	146
119. Божий дом — убежище живых .....	147
120. Начинается время обратное.....	148
121. Миска каши да чашка чаю .....	149
122. Какое мне дело до вашего века.....	150
123. Куда судьба, качаясь, заведет .....	151
124. Переполнив слов копилку .....	152
125. Ничто не вечно под луной.....	153
126. Уплывает эпоха в сплошные туманы.....	154
127. Глухота не порок. Метафизика спит .....	155
128. Неумная, не случайная .....	156
129. Не прямая речь — доступна .....	157
130. Есть исчерпанность сюжета.....	158
131. Что вы делите, бедные люди .....	159
132. Эпоха утрат наступила .....	160
133. В царстве лиры и копейки .....	161
134. То, что я тебе не верю.....	162
135. Опять недуг небытия .....	163
136. Проступает из гама и шума.....	164
137. Я в тайной мысли вовсе не безгрешен.....	165
138. В веселом градусе любви.....	166
139. Трудно не быть, не сметь и не ждать.....	167
140. Мы были вместе до земли и воли .....	168
141. В одном краю несбывшиеся дни .....	169
142. Этих пальцев полет по ладони .....	170
143. Как этот мрак разбавить светом.....	171
144. Метет шарав с рассвета до темна.....	172
145. Злобы диагноз, конечно, не вечен .....	173
146. Лавразия с Гондваной случились невзначай.....	174
147. Справа смерть и слева тоже .....	175
148. Не трогай этот мир — он создан не тобою.....	176
149. Шаг за шагом, страх за страхом .....	177
150. Одна чума сменить другую.....	178

151. Снова гунны в предместье Рима .....	179
152. Как хорошо, что мы переродили .....	180
153. Вот мир лежит на царском блюде .....	181
154. Все меньше в природе озона .....	182
155. Что-то душно в империи мира .....	183
156. Я столько раз промахивался мимо .....	184
157. Душа не ранена и даже не убита .....	185
158. Перебираю крохи .....	186
159. Ах, как это и лепо, и просто .....	187
160. Листаем страницы теней .....	188
161. Запрятать голос в рукава .....	189
162. Как хорошо. Душа дрожит .....	190
163. Ангел мой земной, обними меня .....	191
164. Как там в Мценске у вас с погодой? .....	192
165. Утешь меня, мой ангел грешный .....	193
166. И ты ни в чем не виновата .....	194
167. Благослови вас свет создавший .....	195
168. Не за что зацепиться .....	196
169. Пол-Венеции — налево, пол-Венеции — направо .....	197
170. Впереди цветет миндаль .....	198
171. Я жизнь проспал, и что в итоге? .....	199
172. Обнаружил Шлиман Трою .....	200
173. Сердце вернулось, устроилось сбоку .....	201
174. Вера еще в зените .....	202
175. Умирают враги понемногу .....	203
176. Тревога пришла ниоткуда .....	204
177. Вот и вечер не нашел свою дорогу .....	205
178. Круг ненависти пуст .....	206
179. Я мало что могу, убогой жизни раб .....	207
180. Перемены, опять перемены .....	208
181. Я жил как все, служа и не переча .....	209
182. Стена и гроздь винограда .....	210
183. Справа даль и слева тоже .....	211

184. Сердце вспотело от вечной запарки .....	212
185. Во мне проснулась несостоявшаяся жизнь.....	213
186. Мне б выбраться из плена .....	214
187. Неподвижные качели.....	215
188. Обложило время ватой.....	216
189. Каюсь, жизнь просмотрел по дороге .....	217
190. Как хочется пить, а кругом вода .....	218
191. Неправых нет, и правота — мираж.....	219
192. Какое солнце молодое.....	220
193. Что-то ветер над оливами тяжел .....	221
194. Я живу в нарисованной клетке.....	222
195. Уже не встречу Спутницу из сна.....	223
196. Смывает мир, как мусор, в океан.....	224
197. Какая ночь, какая улица.....	225
198. Как уродливо время кривое.....	226
199. Ранима звуком, вздохом и листвой .....	227
200. Уродами земля моя богата .....	228
201. Свято место не бывает пусто .....	229
202. Что-то было не так. Что-то стало иначе.....	230
203. Сыграй мне скрипка сон последний .....	231
204. С Востока снял защиту Бог .....	232
205. Бедное мое тело .....	233
206. Поколдую, звук настрою .....	234
207. Я только ночь готовился к эпохе .....	235
208. Пока не выполз голубь из берлоги .....	236
209. Говорят, что родился в церковной оgrade.....	237
210. Пружинит шаг, пружинит тело .....	238
211. Где-то бродит наважденье беспризорно .....	239
212. Все началось в декабре, закончилось в ноябре.....	240

*Леонид Александрович Латынин*

**ИЗ ОТКУДА В НИКУДА**

Стихотворения

Составитель *Андрей Баранов*